

ДЖЕЙМС КОРИ

**ПЕЖКАР
СИБОЛЫ**

**JAMES S. A. COREY
CIBOLA BURN**

Пространство

Джеймс Кори
Пожар Сиболы

«СОЮЗ»

2014

Кори Д. С.

Пожар Сиболы / Д. С. Кори — «СОЮЗ», 2014 — (Пространство)

Межзвездный портал в тысячу новых миров открыт. Человечество, воодушевленное новыми невиданными возможностями, рвется к звездам и заселяет чужие миры. В разгар кровопролитных космических сражений за ресурсы новых планет, поселенцы сталкиваются с остатками древней могущественной цивилизации на далекой планете Илос. Именно на ней разгорается настоящая война, грозящая распространиться до самой Земли. Для капитана Джеймса Холдена и его команды, которым поручено отправиться на планету и остановить кровопролитие, наступают непростые времена. Ведь то, что уничтожило некогда великую цивилизацию, обитавшую на Илосе, всё еще находится там... «Пожар Сиболы» – это четвертый роман из цикла «Пространство» / The Expanse – вершины современной космической фантастики.

© Кори Д. С., 2014

© СОЮЗ, 2014

Содержание

Пролог. Бобби Драпер	6
Глава 1. Бася	9
Глава 2. Элви	14
Глава 3. Хэвлок	20
Интерлюдия. Сыщик	25
Глава 4. Холден	27
Глава 5. Бася	33
Глава 6. Элви	38
Глава 7. Холден	43
Глава 8. Элви	48
Глава 9. Бася	52
Глава 10. Хэвлок	57
Глава 11. Холден	62
Интерлюдия. Сыщик	68
Глава 12. Бася	69
Глава 13. Элви	74
Глава 14. Холден	79
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Джеймс Кори Пожар Сиболы

James S. A. Corey
Cibola Burn

© перевод с английского, Галина Соловьева

© ИП Воробьёв В. А.

© ООО ИД «СОЮЗ»

* * *

*Посвящается Джею Лейку и Элмору Леонарду.
Джентльмены, мне было очень приятно.*

Пролог. Бобби Драпер

«Тысяча миров, – размышляла Бобби, глядя, как закрываются двери “трубы”. – Нет, не просто миров – систем. Солнца. Газовые гиганты, пояса астероидов... Все, к чему стремилось человечество, только в тысячекратном размере».

Экран над сиденьями напротив переключился на новости, но динамик не работал, голоса диктора было не разобрать. Впрочем, хватало и картинок, которые всплывали рядом с его лицом. Новые данные с зондов, прошедших за врата. Там были изображения незнакомых звезд, окружности, обозначающие орбиты новых планет. Пустых. Те, кто в глубине времен создал протомолекулу и запустил ее к Земле, не откликнулись на вызов. Строитель врат открыл путь, но никаких могучих богов там не обнаружилось.

«Потрясающе, – думала Бобби, – как быстро человечество переходит от мысли “Какой невообразимый разум создал эти душераздирающие чудеса?” к “Ну, раз уж здесь никого нет, нельзя ли мне пожить в их барахлишке?”».

– Простите, – произнес хриловатый мужской голос, – не найдется ли у вас мелочи для ветерана?

Она отвела взгляд от экрана. Тощий человек с серым лицом. Телосложение выдавало, что детство он провел при низкой гравитации: у него было длинное туловище и большая голова.

Облизнув губы, мужчина подался вперед.

– Так вы ветеран? – спросила Бобби. – Где служили?

– На Ганимеде, – ответил попрошайка и отвел взгляд, стараясь держаться с достоинством. – Был там, когда все пошло кувырком. А как вернулся сюда, власти меня вышвырнули. Хочу накопить на билет до Цереры, у меня там семья.

В груди у Бобби заклокотала ярость, но голос и лицо остались спокойными – хотя это и стоило ей немало труда.

– Вы обращались в Союз ветеранов? Они могли бы помочь.

– Мне же нужно что-то есть! – Голос человека стал неприятным. Бобби оглядела вагон. В это время в «трубе» народу немного. Вакуумные трубы соединяли все окраины залива Авроры. Великий марсианский проект терраформирования начался еще до рождения Бобби и продолжится после ее смерти. Сейчас в вагоне было пусто. Она прикинула, как выглядит в глазах нищего. Крупная женщина, высокая и коренастая – но когда сидит, да еще в своем мешковатом свитере, этого не заметно. Нищий мог принять ее мышцы за жир. Если так, то он ошибся.

– В какой части служили? – спросила она.

Человек моргнул. Женщине полагалось бы его опасаться, и спокойствие Бобби его насто- рожило.

– В части?

– Да, где вы служили?

Он снова облизнул губы.

– Я не собираюсь...

– Забавно, – перебила Бобби. – Я бы поручилась, что знала почти всех, кто служил на Ганимеде перед началом заварушки. Когда через такое пройдешь, волей-неволей запомнишь. Когда видишь, как друзья гибнут. Вы в то время в каком чине были? Я – сержант артиллерии.

Серое лицо побелело. Мужчина поджал губы, засунул руки поглубже в карманы и что-то забормотал.

– А сейчас? – продолжала Бобби. – Я тридцать часов в неделю работаю в Союзе и вполне уверена, что мы сумеем помочь такому выдающемуся ветерану, как вы.

Он отвернулся, но отойти не успел – она перехватила его за локоть. Нищий скривился от страха и боли. Бобби тщательно выбирала слова, произносила их отдельно и внятно:

– Придумай. Другую. Байку.

– Да, мэм, – отозвался нищий. – Слушаюсь. Придумаю!

Вагон дернулся, тормозя перед первой станцией БричКэнди. Бобби выпустила попросайку и встала. У мужчины чуточку округлились глаза. Ее генетическая линия восходила к Самоа, и внешность Бобби порой производила определенное впечатление на неподготовленных людей. Иногда это огорчало Бобби. Но не сейчас.

Ее брат жил в добротной уютной норе в Миддл-Кэнди, недалеко от нижнего университета. Бобби, вернувшись на Марс, остановилась у него. Она до сих пор собирала осколки разбитой жизни. Процесс шел медленнее, чем она ожидала. В результате она, кроме всего прочего, чувствовала себя в долгу перед братом. Семейные ужины были одним из способов вернуть долг.

Коридоры Брич-Кэнди не отличались роскошью. Реклама на стенах переключилась при ее приближении – распознала лицо и теперь предлагала те товары и услуги, которые, предположительно, могли ее заинтересовать. Служба знакомств, спортивные союзы, кебаб навынос, новый фильм Мбеки Суна, психологические консультации. Бобби старалась не принимать это на свой счет, но все же ей хотелось бы, чтобы рядом оказались другие прохожие – они внесли бы некоторое разнообразие. И позволили бы думать, что предложения адресованы кому-то другому. Не ей.

Но и в Брич-Кэнди было пусто. В «трубе» народа наблюдалось меньше обычного, в коридорах – тоже, и в программах Союза ветеранов значилось меньше участников. Она слышала, что в верхнем университете на шесть процентов снизилось число абитуриентов.

Человечество еще не основало в новых мирах ни единой колонии, но хватило и данных с зондов. Появился новый фронт – новый конкурент Марса.

Едва Бобби открыла дверь, воздух наполнился густым ароматом приготовленного невесткой гамбо¹. Глотая слюнки, Бобби стала прислушиваться к громким голосам брата и племянника. Под ложечкой засосало, но ничего не поделаешь – родня. Она их любит. Она им обязана. Даже если в их обществе мысль о кебабе навынос становится ужасно соблазнительной.

– Я не о том говорю! – кричал племянник. Он учился в верхнем университете, но во время семейных ссор в его голосе прорезывались нотки шестилетки.

Брат загудел в ответ. Бобби уловила постукивания пальцев по столу – словно точки между доводами. Барабанный бой как риторический прием. Их отец тоже так делал.

– Марс – не один из вариантов. – Стук. – Не запасной вариант. – Стук. – Эти врата и все, что за ними, нам не дом. Усилия, потраченные на терраформирование...

– Я не против терраформирования, – начал ее племянник, когда Бобби вошла в комнату. Невестка молча кивнула ей из кухни. Бобби ответила кивком. Столовая открывалась в большую гостиную, где с отключенным звуком шли новости: далекие пейзажи незнакомых планет и среди них чернокожий красавец в очках с проволочной оправой. – Я только говорю, что мы узнали много нового. Новые данные. Только об этом я и толкую.

Отец и сын склонились над столом так, словно на нем лежала невидимая шахматная доска. Слово оба сосредоточились на интеллектуальной игре и уже не замечали ничего вокруг. Во многом так оно и было. Бобби подвинула себе стул, а никто из них даже не заметил ее прихода.

– Марс, – доказывал ее брат, – наиболее изученная из планет. И не важно, сколько новых данных вы получили, – к Марсу они не относятся. Не относятся! Скажи еще, что, пересмотрев тысячу картинок других столов, ты больше узнаешь о том, за которым мы сидим!

– Знания – это всегда хорошо, – ответил племянник, – ты сам все время говорил. Не понимаю, с какой стати ты теперь стал думать иначе.

¹ Гамбо – американское блюдо, густой суп со специями, похожий на рагу. – *Здесь и далее примеч. пер.*

– Как у тебя дела, Бобби? – резко спросила невестка, ставя на стол миску. Рис с перцем – гарнир к гамбо, способ напомнить, что у них гостья. Мужчины недовольно поморщились.

– Хорошо, – ответила Бобби. – Контракт с верфью прошел. Он обеспечит много рабочих мест для ветеранов.

– Потому что строятся новые исследовательские и транспортные корабли, – сказал племянник.

– Дэвид!

– Извини, мам, но так и есть, – не смутился Дэвид. Бобби положила себе риса. – Все корабли, которые пригодны для переоборудования, уже оснастили, а теперь строят новые. Чтобы люди могли добраться до новых систем.

Брат, накладывая на тарелку рис, хмыкнул, выражая презрение к словам сына.

– Первая научная экспедиция еще не долетела до ближайшего из этих миров...

– Люди уже живут на Новой Терре, папа! Беженцы с Ганимеда... – Он осекся и бросил на Бобби виноватый взгляд. О Ганимеде за столом старались не вспоминать.

– Экспедиция еще не высадилась, – повторил брат. – До появления настоящих колоний – годы и годы.

– А до первой прогулки по поверхности Марса – поколения! У нас ни хрена нет магнитосферы!

– Следи за языком, Дэвид!

Вернулась невестка. Гамбо был густым и ароматным, на поверхности плавала масляная пленка. От запаха у Бобби потекли слюнки. Невестка поставила суп на подставку из шифера и вручила Бобби половник.

– Как тебе новая квартира? – спросила она.

– Мило, – ответила Бобби, – и недорого.

– Не нравится мне, что ты поселилась в Иннис-Холлоу, – заметил брат. – Ужасный район.

– Вряд ли кто-нибудь рискнет приставать к тете Бобби, – вставил племянник. – Она им головы оторвет.

Бобби усмехнулась:

– Обычно хватает строгого взгляда...

Гостиная внезапно осветилась красным. Новости прервались. Яркие баннеры вспыхнули в верхней и нижней части экрана. На зрителя серьезно смотрела женщина-землянка. За ее спиной бушевал пожар. Потом появился снимок старого корабля колонистов. Черные буквы на фоне белого пламени сложились в слова: «Трагедия на Новой Терре».

– Что случилось? – спросила Бобби. – Ну, что случилось?

Глава 1. Бася

Когда-то Бася Мертон был мягким человеком – не из тех, кто мастерит мины из шахтной взрывчатки и пустых бочонков из-под смазки.

Сейчас он вытащил следующую из маленькой мастерской за домом и покатил к электрокартам Первой Посадки. Короткий ряд домов, протянувшийся к северу и к югу, скоро обрывался, дальше до горизонта лежала темная равнина. От шагов на поясе у Баси раскачивался фонарик, отбрасывая на пыльную землю причудливые тени. Мелкий инопланетный зверек заухал на человека из-за границы светлого круга.

Ночи на Илосе² – Бася не звал планету Новой Террой – были очень темные. Тринадцать крошечных, с низким альбедо, лун располагались на одной орбите так равномерно, что все считали их артефактами иной цивилизации. Каково бы ни было их происхождение, эти спутники для человека, выросшего среди огромных спутников Юпитера, больше походили на захваченные планетой астероиды, чем на настоящие луны. После захода солнца они и не думали ловить и отражать его свет. Ночную жизнь здесь вели в основном мелкие птицы и ящерицы – вернее, твари, которых новое гуманоидное население окрестило птицами и ящерицами. С земными тезками их роднило только поверхностное сходство и углеродный состав тел.

Бася, крикнув от натуги, взвалил бочонок на тележку и через секунду услышал эхо своего голоса. Любопытная ящерка-пересмешник подобралась к самой границе светового круга и поблескивала оттуда глазками. Она снова крикнула, помотав широкой, кожистой лягушачьей головой, – воздушный мешок под горлом вздулся и опал. Секунду животное выжидало, но, не дождавшись отклика, уползло в темноту.

Бася вытащил из ящика с инструментами эластичные ремешки и принялся крепить бочонки к днищу карта. От падения на землю взрыва не случится. Это если верить Купу, но экспериментировать Басе не хотелось.

– Бась, – позвала Люсия.

Он вспыхнул от смущения, как ребенок, попавшийся на краже конфет. Люсия знала, чем он занимается, – он никогда не умел ей врать. Но Бася надеялся, что она побудет в доме, пока он работает. От одного ее присутствия в голове вспыхнула мысль, хорошо ли он поступает. Если хорошо, то почему ему стыдно перед Люсией?

– Бась, – повторила она. Без настойчивости. И в голосе слышалась грусть, а не гнев.

– Люси, – ответил он, обернувшись. Она стояла на границе света, стягивая на тонкой фигурке белый халат, – ночь была холодная. Лицо казалось темным пятном.

– Фелисия плачет, – сказала она без укора в голосе. – Она за тебя боится. Зайди, поговори с дочкой.

Бася отвернулся и ту же затянул ремень на бочонке, пряча от нее лицо.

– Не могу. Они близко, – сказал он.

– Кто? Кто близко?

– Ты знаешь, о ком я. Если не дать им отпор, они заберут все, что мы здесь сделали. А так мы выигрываем время. Без посадочной площадки им придется садиться на маленьких челноках. Поэтому мы уничтожим посадочную площадку. Пусть они восстанавливают. Люди не страдают.

– Если дела пойдут плохо, – сказала она, – мы сможем улететь.

– Нет! – Ярость в собственном голосе удивила Басю. Обернувшись и шагнув к жене, он осветил ее лицо. Она плакала. – Хватит улетать. С Ганимеда улетели – бросили Катоа и улетели,

² *Илос*, или *Ил* – мифический основатель Трой-Илиона.

и моя семья год жила на корабле, потому что никто не давал разрешения на посадку. Больше убежать не будем. Никогда. Больше они не отберут у меня детей.

– Я тоже тоскую по Катоа, – сказала Люси, – но эти люди его не убивали. Тогда шла война.

– Бизнес. Они заботились о бизнесе, начали войну и отобрали у меня сына.

«А я им позволил, – не сказал он. – Я забрал тебя, Фелисию и Яцека, а Катоа бросил – думал, что он погиб. А он оставался жив».

Слишком больно было бы выговорить эти слова, но Люси все равно услышала.

– Ты не виноват.

«Виноват!» – подступило к горлу, но Бася проглотил и это слово.

– У них нет никаких прав на Илос, – произнес он, стараясь, чтобы сказанное прозвучало рассудительно. – Мы первыми сюда пришли. Мы застолбили участок. Мы добудем первую партию лития, заработаем и сможем нанять адвокатов, чтобы отстаивать свои права. Но если к тому времени корпорация пустит здесь корни, ничто не поможет. Нам нужно время.

– За это, – сказала Люсия, – тебя посадят в тюрьму. Подумай о нас, о своей семье.

– Я ради семьи это и делаю, – мягко ответил он. Прозвучало хуже, чем если бы он крикнул. Бася взобрался на сиденье водителя и вдавил педаль газа. Карт с визгом рванул с места. Мужчина не оглядывался – не мог оглянуться и увидеть Люси. – Ради моей семьи, – повторил он.

Бася гнал карт от дома к барачному поселку, который привыкли называть Первой Посадкой с того времени, как выбрали место на компьютерной карте «Барбапикколы». Когда мечта превратилась в реальность, никто не потрудился подобрать новое название. Проехав центр – два ряда сборных домиков, – Бася выбрался на широкий участок ровной земли, заменявший шоссе, и свернул к месту первой высадки. Беженцы-колонисты спускались на Илос на маленьких челноках. Для приземления подошла только эта широкая открытая площадка. Но люди из «Роял-Чартер-Энерджи» – люди корпорации, получившей от ООН лицензию на разработку нового мира, – прилетят с тяжелым оборудованием. Для массивных грузовых модулей нужен настоящий космодром. Потому он и был построен на том самом месте, где высаживались первые колонисты.

Бася видел в этом оскорбление. Вторжение в святыню. Место первой высадки – не простое место. Когда-то он представлял себе, что когда-нибудь тут разобьют парк, поставят памятник первопроходцам нового мира. А РЧЭ уложила поверх их площадки гигантского блестящего монстра. Хуже того, люди из корпорации нанимали для строительства колонистов, и нашлось достаточно таких, кто охотно взялся за работу.

Это все равно что тебя стирают со страниц истории.

Скотти с Купом ждали Басю на новом космодроме. Скотти сидел на краю металлической платформы, свесив ноги, покуривая трубку и поплеывая на землю. Маленький электрический фонарь, горевший рядом, раскрашивал человека в жутковатые зеленые тона. Куп стоял поодаль, скалил зубы, глядя в небо. Куп был астером старой школы, и борьба с агорафобией давалась ему труднее, чем другим. Тонколицый мужчина упорно таранился в бездну, заставляя себя к ней привыкать, – так мальчишка, стиснув зубы, вытаскивает занозу.

Бася подвел карт к краю платформы и, соскочив, принялся отстегивать ремни, удерживавшие на месте бочки-мины.

– Как насчет помочь? – спросил он. Илос был большой планетой с гравитацией выше одного g. Даже после шести месяцев медицинской обработки, ускорявшей рост костей и мускулов, тело казалось слишком тяжелым. При мысли, что бочонки придется перекладывать на землю, у Баси заранее ныли плечи.

Скотти соскользнул с края платформы и приземлился на полтора метра ниже. Отбросив со лба сальные черные волосы, он еще раз затянулся трубкой. До Баси долетел острый, как от скунса, запах гидропонного каннабиса, смешанного с табаком вакуумной сушки. Куп перевел

на Скотти и Басю не сразу сфокусировавшийся взгляд и слабо, недобро улыбнулся. План с самого начала принадлежал ему.

– М-м, – протянул Куп, – милашки.

– Смотри не привязывайся к ним, – посоветовал Бася, – они здесь ненадолго.

Куп хмыкнул басом и криво улыбнулся. Они втроем сгрузили с карта и расставили в ряд четыре тяжелых бочонка. К концу работы все пыхтели от усталости. Бася на минуту молча привалился к карту, а Скотти выкурил напоследок еще трубочку. Куп тем временем установил на мины колпачки взрывателей. Детонаторы дремали в задней части карта, как гремучие змеи, – их красные светодиодки еще не загорелись.

В темноте искрился поселок. Дома, выстроенные колонистами для себя и друг для друга, мерцали, как упавшие с небес звездочки. Дальше начинались руины. Длинные низкие строения инопланетян с двумя тяжелыми башнями поднимались над землей, как непомерно разросшиеся термитники. Все там было пронизано коридорами и камерами нечеловеческой конструкции. При дневном свете руины блестели, отливая мертвенным перламутром. В ночи они выглядели пятном более глубокой темноты. Шахты рудника располагались поодаль, за пределом видимости, только на брюхе тучи лежал слабый отсвет. По правде сказать, Бася не любил шахты. Руины были странным реликтом прошлого пустой планеты и, как все непонятное, но безопасное, через несколько лет перестали привлекать внимание. Шахты будили в памяти истории и надежды. Бася полжизни провел в ледяных коридорах, и туннели, проложенные в инопланетной почве, для него «неправильно пахли».

Куп тихо вскрикнул и выругался, встряхивая рукой. Крови не было – значит, ничего страшного.

– Думаешь, они нам заплатят за восстановление? – спросил Скотти.

Бася ругнулся и сплюнул.

– Нам не пришлось бы этим заниматься, если бы кое-кому не вздумалось подоить РЧЭ, – сказал он, откатывая бочонок на место. – Без площадки им не высадиться. Нам достаточно было просто ее не строить.

Скотти рассмеялся в дымное облачко.

– Все равно поналезут, так почему бы не взять их денежки?

Так говорили люди.

– Идиоты эти люди, – отозвался Бася.

Скотти кивнул, смахнул с пассажирского сиденья ящерку-пересмешника и сел сам. Задрав ноги на панель управления, он снова глубоко затынулся.

– Как бабахнем, надо будет делать ноги. Этот взрывчатый порошок наделает шума.

– Эй, друг, – сказал Куп, – мы здесь закончили. Давай-ка освободим место, а?

Скотти встал и зашагал к площадке. Бася перехватил его, выдернул у него изо рта дымящую трубку и положил ее на капот карта.

– Взрывчатка, – пояснил он, – знаешь ли, взрывается.

Скотти пожал плечами, скрывая смущение. Куп, когда они подошли, уже повалил одну из бочек набок.

– Буэна³ работа. Надежно.

– Спасибо, – сказал Бася.

Куп лег. Бася устроился рядом с ним. Скотти осторожно прокатил первую мину между ними.

Бася выбрался из-под платформы, подтянулся по перекрещенным балкам к минам, навинтил на каждую детонаторы и синхронизировал их. Услышав нарастающий визг электромотора,

³ Хорошая (здесь и далее астерский диалект, являющийся смесью разноязычной лексики).

он с досадой подумал было, что Скотти удрал вместе с катом, и только потом понял, что машина не отъезжает, а приближается.

– Эй! – послышался знакомый голос Питера.

– Ке ла муг ублюдок здесь делает? – пробормотал Куп, вытирая ладонью лоб.

– Хочешь, спрошу? – предложил Скотти.

– Бася, – велел Куп, – пойди узнай, что надо Питеру. Скотти пока пачкаться не стоит.

Бася выбрался из-под площадки, освободив место для Скотти и последней из четырех мин. Питер остановил свой карт рядом с его и теперь стоял между машинами, переминаясь с ноги на ногу, словно ему приспичило помочиться. У Баси ныли спина и плечи, очень хотелось, чтобы все уже кончилось.

Хотелось вернуться домой, к Люсии, Фелисии и Яцеку.

– Что такое? – спросил он.

– Летят, – ответил Питер вполголоса, словно кто-то мог подслушать.

– Кто?

– Все. Временный губернатор, служба безопасности корпорации, научная и техническая группы. Все. Это всерьез. Они высаживают нам новое правительство.

Бася пожал плечами.

– Это уже не новость. Они восемнадцать месяцев гонят к нам. Иначе что бы мы здесь делали?

– Нет. – Питер нервно приплясывал, поглядывая на звезды. – Они уже здесь. «Эдвард Израэль» произвел торможение полчаса назад. Вышел на высокую орбиту.

Меднистый вкус страха наполнил рот. Бася уставился в темноту. Миллиарды незнакомых звезд – предполагалось, что это тот же самый Млечный Путь, только под другим углом. Бася поспешно зашарил глазами по небу и наконец увидел. Движение, незаметное, как ход минутной стрелки на аналоговых часах, но Бася его уловил. Спускался посадочный модуль.

Тяжелый челнок шел к космодрому.

– Я хотел по радио, но Куп говорил, они мониторят частоты и... – начал было Пит, но Бася уже бежал обратно к площадке. Скотти с Купом только успели вылезти. Куп с ухмылкой отряхивал пыль с ладоней.

– Осложнение, – сказал Бася, – челнок идет на посадку. Похоже, уже в атмосфере.

Куп поднял глаза. Луч его фонарика осветил лицо, оставив черными впадины щек и глазницы.

– Угу, – сказал он.

– Я думал, ты за ними следишь, знаешь, где находятся.

Куп пожал плечами, не отрицая и не соглашаясь.

– Надо разрядить мины, – заявил Бася.

Скотти встал на колени, но Куп удержал его за плечо.

– Зачем?

– Если они сейчас попробуют сесть, может рвануть, – сказал Бася.

Куп ласково улыбнулся.

– Может. И что из этого?

Бася сжал кулаки.

– Они уже садятся!

– Вижу, – кивнул Куп, – и не думаю, что я им чем-то обязан. Как бы то ни было, времени разряжать уже нет.

– Можно снять колпачки и взрыватели. – Бася опустил на четвереньки, пошарил лучом фонаря между балок.

– То ли можно, то ли нет, – процедил Куп. – Это вопрос, и еще какой вопрос.

– Куп? – Голос Баси прозвучал тонко и нерешительно.

Куп сделал вид, что не услышал.

– По мне, так это шанс, – сказал он.

– Там же люди, – отозвался Бася, заползая под площадку. Ближайшая мина лежала, уткнувшись электронным табло в землю. Он навалился плечом, толкнул.

– Не хватит времени, друг, – позвал Куп.

– Хватит, если ты пошевелишь задницей! – крикнул в ответ Бася. Колпачок взрывателя прилип к боку цистерны, как замазка. Бася пытался скovyрнуть его пальцами.

– Ах ты, черт! – В голосе Скотти послышалось что-то похожее на благоговение. – Черт, Бась!

Колпачок отвалился. Бася засунул его в карман и пополз ко второй mine.

– Некогда, – крикнул Куп. – Давайте сматываться, лучше рвануть, пока они еще могут изменить курс.

В стороне послышался шум отъезжающего карта. Пит решил убраться подальше. И еще один звук – басовитый рев ракетных двигателей. Бася с отчаянием взглянул на оставшиеся мины и выкатился из-под площадки. Челнок тяжело завис в черном небе – так близко, что можно было рассмотреть в отдельности выхлоп каждой дюзы.

Ничего не выйдет.

– Бежим! – выкрикнул он. Они со Скотти и Купом рванули к тележке. Рев усиливался, оглушал. Добежав до карта, Бася выхватил из кармана детонатор. Если бы удалось взорвать чуть раньше, челнок мог бы прервать посадку, уйти...

– Не смей! – крикнул Куп. – Мы слишком близко!

Бася хлопнул ладонью по кнопке.

Земля вздыбилась, ударила его, жесткие комки грязи и камни порвали ладони и щеки, но боль ощущалась как что-то далекое. Частью сознания он понимал, что тяжело ранен, наверное, в шоке, но и это понимание было далеким и ненавязчивым. Больше всего его поразила тишина. Мир звуков исчез. Он слышал собственное дыхание и сердцебиение, а дальше все словно отключилось.

Перекатившись на спину, Бася уставился в испещренное звездами небо. Тяжелый челнок завис над ним на хвостовой струе – звук двигателей из басовитого рева превратился в визг раненого животного, ощущавшийся скорее всем телом, чем слухом. Челнок был слишком близко, выхлоп – слишком силен, и какие-то осколки полетели как раз туда, куда не надо. Тут уж не угадаешь. Частью сознания Бася понимал, что это очень плохо, но трудно было сосредоточиться на конкретных мыслях.

Челнок исчез из вида, наполнив долину предсмертным воплем, который долетел до Баси слабым посвистом и сменился тишиной. Скотти сидел рядом, уставившись в ту сторону, куда скрылся челнок. Бася позволил себе расслабиться.

Когда растаяло яркое пятно, оставшееся на сетчатке, снова проступили звезды. Бася смотрел на них и гадал, которая из них Солнце. Как до него далеко! Хотя если через ворота, то близко. Он сбил их челнок. Теперь они наверняка явятся. Он не оставил им выбора.

Он вдруг жестоко закашлялся. Кажется, легкие заполнились жидкостью, и он выкашливал ее несколько минут. С кашлем пришла наконец и боль, скрутила все тело.

С болью пришел страх.

Глава 2. Элви

Челнок дернулся, бросил Элви Окойе на ремни с такой силой, что вышибло дух, а потом швырнул обратно в мощные объятия амортизатора. Свет мигнул, погас и загорелся снова. Она сглотнула – радостное волнение сменилось животным страхом. Рядом улыбался Эрик Вандерверт – улыбался с тем же полунасмешливым, полузаискивающим выражением, этой усмешкой он ослеплял ее уже шесть месяцев. Фаиз, лежавший напротив, смотрел перед собой, округлив глаза, кожа его стала серой.

– Ничего, – сказала Элви, – все будет хорошо.

Она еще не договорила, а что-то внутри уже съежилось от этих слов. Что происходит, она не знала. Здесь не Земля. Здесь не угадаешь, будет ли все хорошо. И все же она поспешила ободрить их, словно от сказанных слов все могло наладиться. Душераздирающий визг пронизывал плоть челнока, обертон наслаивались друг на друга. Элви почувствовала, как ее тянет влево, шарниры коек-амортизаторов провернулись одновременно, словно танцоры по команде хореографа. Она потеряла Фаиза из вида.

Звуковой сигнал предварил объявление пилота, потом из системы корабельного вещания послышался женский голос:

«Леди и джентльмены, по-видимому, на посадочной площадке серьезные неполадки. Нам на этот раз не удастся выполнить приземление. Мы вернемся на орбиту и подождем в доке “Эдварда Израэля”, пока...»

Женщина замолчала, но шипение включенного канала связи продолжало разноситься по кораблю. Элви подумала, что пилота что-то отвлекло. Корабль дернулся, вздрогнул, и Элви вцепилась в ремни, прижав их к себе. Рядом кто-то громко молился.

«Леди и джентльмены, – снова послышался голос пилота, – боюсь, что авария на посадочной площадке повредила и наш челнок. Не думаю, что нам сейчас удалось бы вернуться на орбиту. Здесь недалеко есть сухое озеро. Видимо, придется использовать его как запасной космодром».

За мгновенным облегчением – площадка приземления все же нашлась! – последовало понимание и настоящий страх:

«Мы разобьемся!»

«Прошу всех оставаться в амортизаторах, – сказала женщина-пилот. – Не отстегивайте поясов и, пожалуйста, следите, чтобы руки и ноги оставались в пределах койки, иначе их может повредить о закраину. Гель придуман не зря. Через пару минут мы спустим вас на поверхность».

Ее натужное, искусственное спокойствие ужасало Элви сильнее, чем испугал бы плач и визг. Эта женщина, как могла, сдерживала панику среди пассажиров. Она бы не стала так стараться, если бы для паники не было причин.

Вес тела опять сместился влево, потом вернулся обратно, а потом Элви стала легкой – челнок снижался. Казалось, падение длилось вечно. Дребезжание и визг усилились до пронзительного воя. Элви закрыла глаза.

– Все будет хорошо, – сказала она себе, – все в порядке.

Удар расколол челнок, как молоток раскалывает хвост омара. Она успела заметить незнакомые звезды в чужом небе, а потом сознание выключилось, словно Бог повернул рубильник.

Несколько столетий назад европейцы пробирались в опустошенную чумой скорлупу Америки на деревянных кораблях под огромными полотняными парусами, доверяясь ветрам и искусству моряков в надежде попасть из знакомого мира в тот, который тогда называли Новым Светом. На целых шесть месяцев религиозные фанатики, авантюристы и отчаявшиеся бедняки отдавались беспощадным волнам Атлантического океана.

Восемнадцать месяцев назад Элви Окойе вылетела со станции Церера по контракту с «Роял-Чартер-Энерджи». «Эдвард Израэль» был большим кораблем. Когда-то, почти три поколения назад, он нес колонистов к Поясу и в систему Юпитера. Когда прилив схлынул и напор экспансии достиг естественных пределов, «Израэль» переоборудовали под водовозное судно. Век колониализма миновал, романтика свободы уступила место будничной жизни – для которой требовались воздух, вода, пища. Десятилетия корабль служил рабочей лошадкой Солнечной системы – а потом открылась «Станция колец». И снова все переменялось. На верфях Буша на станции Тихо уже строилось новое поколение колонистских кораблей, но переоборудовать «Израэль» вышло быстрее.

Впервые ступив на борт, Элви ощутила удивление, надежду и волнение, прислушавшись к гулу вентиляции, увидев изгибы несовременно выглядящих коридоров. Снова настал век приключений, и старый вояка вернулся, наточив меч и до блеска начистив доспехи. Элви понимала, что проецирует на корабль собственные переживания, что такое ощущение говорит не столько о состоянии корабля, сколько о состоянии ее ума, но чувство от этого не тускнело. «Эдвард Израэль» снова стал кораблем колонистов, его трюмы наполнились деталями сборных домов и атмосферными зондами, фабричным оборудованием и рассеивающими фемтоскопами. На корабле летели группы ученых и картографов, геологи, гидрологи и прочие, в том числе группа Элви – космозоологи. Докторов здесь было на целый университет, профессоров – на государственную лабораторию. Тысяча человек, считая команду и колонистов.

Летающий город, корабль пилигримов, направляющийся к скалам Плимута, дарвиновский «Бигль» – все в одном. Это было величайшее и прекраснейшее из всех странствий человечества, и Элви заслужила себе место среди направляющихся в экспедицию экзобиологов. Не удивительно, что ей казалось, будто металлокерамика корабля лучится радостью, – вполне простительная иллюзия.

И над всем этим властвовал губернатор Трайнинг.

За те месяцы, когда они разгонялись и тормозили, медленно, опасно проходили сквозь кольца и снова разгонялись и тормозили, Элви видела его несколько раз. И только перед посадкой ей удалось поговорить с губернатором.

Трайнинг был легким человеком. Своей кожей цвета черного дерева и белоснежными волосами он напоминал Элви ее дядюшек, а его легкая улыбка ободряла и успокаивала. Элви сидела на обзорной палубе, уверяя себя, что экраны с высоким разрешением – настоящие окна на планету, что свет ее незнакомого солнца в самом деле отражается от широких мутных морей и высоких ледяных облаков и попадает прямо ей в глаза, хотя гравитация торможения доказывала, что корабль еще не вышел на свободную орбиту. Зрелище было удивительным и прекрасным. Один огромный океан с россыпью островов. Большой материк, уютно развалившийся на половине полушария, широкий у экватора и заостряющийся к северу и к югу. Официально этот мир назывался Четвертый Разведчик «Беринга» в память о зонде, впервые установившем его существование. Но в коридорах, кафетериях и тренажерных залах все звали его Новой Террой. Значит, не ее одну захватила романтика.

– О чем задумались, доктор Окойе? – мягко спросил Трайнинг, и Элви подскочила. Не заметила, как он вошел. Не видела, что он стоит рядом. Следовало бы поклониться или ответить по форме, но он смотрел так мягко, с таким юмором, что она расслабилась.

– Думаю, заслужила ли я это все, – сказала Элви. – Ведь я скоро увижу первую действительно внеземную биосферу. Узнаю об эволюции такое, что до сих пор считалось непознаваемым. Наверное, в прошлой жизни я была очень-очень хорошей.

На экранах блистала золотом, синевой и всеми оттенками коричневого Новая Терра. Высотные атмосферные вихри закрыли зеленоватыми облаками половину планеты. Элви потянулась к ней. Губернатор хихикнул.

– Вы прославитесь, – сказал он.

Элви моргнула и закашлялась от смеха.

– А ведь, пожалуй, и правда, – сказала она. – Мы делаем такое, чего человечество еще не пробовало.

– Отчасти, – согласился Трайнинг, – а отчасти и такое, чем занимались всегда. Надеюсь, история будет к нам снисходительна.

Она не совсем его поняла, но переспросить не успела, потому что вошел Адольфус Мартри. Этот худенький человечек с холодными голубыми глазами возглавлял службу безопасности и был тверд и эффективен – полная противоположность «доброму дядюшке» Трайнингу. Мужчины вышли вместе, оставив Элви наедине с миром, который ей предстояло исследовать.

* * *

Тяжелый челнок был не меньше иных кораблей, на которых приходилось летать Элви. На планете для него пришлось выстроить космодром. Челнок нес первые пятьдесят строений, основное оборудование лабораторий и – самое главное – жесткий купол периметра.

Элви просочилась по забитым коридорам челнока, руководствуясь указаниями ручного терминала, который привел ее к отведенной ей койке. Когда на Марсе основывались первые колонии, жесткий купол был вопросом жизни и смерти. Он удерживал воздух и отсекал излучение. На Новой Терре речь шла о предотвращении загрязнений. Лицензия, полученная РЧЭ, требовала, чтобы присутствие корпорации по возможности не оставило следа на планете. Зная, что там уже живут люди, Элви надеялась, что они постарались не потревожить свой участок, – в ином случае сложно будет разобраться во взаимодействии местных организмов с привнесенными извне.

А то и просто невозможно.

– Ты волнуешься?

Фаиз Саркис сидел на койке-амортизаторе, застегивая широкие пояса вокруг талии и груди. Он вырос на Марсе и был высоким, худым и большоголовым, как все обитатели легких миров. В амортизаторе Фаиз, судя по всему, чувствовал себя как дома. Только теперь Элви заметила, что ручной терминал привел ее на место. Она села, гель обхватил бедра и нижнюю часть спины. Ей всегда хотелось сидеть в койке – как ребенку в мелком бассейне. Когда погружаешься в гель, начинает казаться, будто тебя засасывает.

– Просто думаю о будущем, – ответила она, заставив себя лечь. – Много работы предстоит.

– Знаю, – вздохнул Фаиз. – Кончились каникулы. Теперь придется обрабатывать свой хлеб. А все же неплохо покатались. То есть если не считать разгона при полном g.

– На Новой Терре, как ты помнишь, даже немножко больше.

– И не напоминай, – протянул он. – И чего бы нам было не начать с какой-нибудь пробковой планетки с пристойной гравитацией?

– Так жребий пал, – усмехнулась Элви.

– Ну, как только он падет на планету вроде Марса, я переведусь.

– Вместе с половиной Марса.

– Что я, не понимаю? Мне бы что-нибудь с нормальной атмосферой. И с магнитным полем, чтобы не пришлось зарываться в кротовьи норы. Это будет как окончание проекта терраформирования, если бы я до него дожил.

Элви засмеялась. Фаиз числился в геологической и гидрологической группах. Он учился в лучших из внеземных университетов, и за время знакомства Элви успела понять, что его донимали такие же страхи и восторги, как ее, – если не больше. Подошел Эрик Вандерверт, устроился в койке рядом с Элви. Та вежливо улыбнулась ему. За полтора года пути от Цереры между сотрудниками разных групп успело завязаться сколько угодно романтических или хотя

бы сексуальных отношений. Элви в них не впутывалась. Она давно поняла, что сочетание работы и секса дает ядовитую и нестабильную смесь.

Эрик кивнул Фаизу и переключился на нее.

– Волнительно, – сказал он.

– Да, – отозвалась она, а Фаиз в своей койке закатил глаза.

Мимо, пробираясь между амортизаторами, прошел Мартри. Его глаза бегали по койкам, поясам, лицам приготовившихся к спуску людей. Элви ему улыбнулась, и он коротко кивнул в ответ. Не враждебно, просто по-деловому. Она видела, как он смерил ее взглядом. Не мужским – скорее, как грузчик проверяет, включены ли магнитные крепления у контейнера, установленного в трюме. Очевидно, удостоверившись, что она правильно пристегнулась, Мартри еще раз кивнул и двинулся дальше. Едва он скрылся, Фаиз захихикал.

– Бедняга на стенку лезет. – Он кивнул вслед Мартри.

– Да ну?

– Он же полтора года нами вертел, так? А теперь мы высаживаемся. А ему – оставаться на орбите. Парень уверен, что мы все поубиваемся у него на глазах.

– Ему хоть не все равно, – заметила Элви. – Тем он мне и нравится.

– Тебе все нравятся, – поддразнил Фаиз. – Это твое больное место.

– А тебе – никто.

– А это – мое, – усмехнулся он.

После звукового сигнала включилась система общего оповещения.

– Леди и джентльмены, меня зовут Патриция Сильва.

Я пилот этой молочной тележки.

Из коек раздался дружный смех.

– Мы отстыкуемся от «Израэля» где-то через десять минут и совершим посадку примерно через пятьдесят. Так что спустя час вам предстоит вдохнуть совершенно новый воздух. На борту у нас губернатор, так что мы позаботимся, чтобы все прошло гладко, – может, сорвем с него какой-нибудь бонус.

Все опять захихикали, даже пилот. Элви ухмыльнулась, Фаиз ответил ей тем же. Эрик прокашлялся.

– Ну, – с наигранным смирением произнес Фаиз, – мы прошли этот путь до конца. Остался последний шаг.

* * *

Она не могла определить, где болит. Боль была слишком велика, она занимала весь мир, поглощала все. Элви осознала, что видит что-то. То ли большую суставчатую крабью ногу, то ли сломанный строительный кран. За ним тянулась плоская равнина озерного дна. У основания конструкции земля становилась неровной. Элви представилось, как кран прополз по темному сухому дну – или рухнул на него. Ее измученный рассудок попытался сопоставить этот образ с обломками челнока, впрочем, безуспешно.

Искусственная конструкция. Руины. Какое-то загадочное строение чужой цивилизации, создавшей протомолекулу и кольца. Теперь оно пусто и заброшено. Элви вдруг ярко вспомнилась художественная выставка, которую она видела в детстве. Там было крупное изображение сброшенного в кювет велосипеда на фоне развалин Глазго. Вся катастрофа в одном образе, лаконичном и красноречивом, как стихотворение.

«Я хотя бы увидела, – подумала она. – Все-таки добралась сюда перед смертью».

Кто-то вытащил ее из разбитого челнока. Повернув голову, она разглядела желто-белые огни стройки и ряды лежащих на земле людей. Кто-то стоял. Кто-то ходил среди раненых и убитых. Она не узнавала ни лиц, ни манеры двигаться. За полтора года на «Израэле» она всех

научилась узнавать с первого взгляда, а эти люди были незнакомыми. Значит, местные. Само-захватчики. Нелегалы. В воздухе пахло пылью пожара и тмином.

Видимо, у нее случился провал в памяти, потому что женщина возникла рядом словно в мгновенье ока. На руках у нее была кровь, лицо испачкано грязью и рвотой, чужими.

– Вам сделали перевязку, пока все в порядке. Я дам вам обезболивающее, и постарайтесь не двигаться, пока мы разберемся с вашей ногой, хорошо?

Она была красива суровой красотой. На темных щеках черные точки, разбросанные, как бусинки на вуали. Белые нити вплетаются в черные волны волос – словно лунные блики на воде. Только на Новой Терре не светила луна. Зато светили миллиарды незнакомых звезд.

– Хорошо? – повторила женщина.

– Хорошо, – отозвалась Элви.

– Скажите, с чем вы сейчас согласились?

– Не помню.

Женщина, мягко придерживая Элви за плечи, откинулась назад.

– Торре! Здесь надо будет сделать скан головы. Возможно, сотрясение.

Из темноты ей ответил другой голос – мужской:

– Да, доктор Мертон. Как только закончу с этим.

Доктор Мертон снова повернулась к Элви.

– Если я сейчас встану, вы полежите смирно, пока Торре до вас доберется?

– Да нет, не надо, я могла бы помочь, – сказала Элви.

– Наверняка могли бы, – вздохнула женщина. – Ну, хорошо, давайте его дождемся.

Из темноты выделилась новая тень. Элви по походке узнала Фаиза.

– Займитесь другими, я с ней посижу.

– Спасибо, – поблагодарила доктор Мертон и скрылась.

Фаиз, кряхтя, опустился наземь, поджал ноги. Волосы на его крупной голове ерошились во все стороны. Губы были плотно сжаты. Элви, не думая, взяла его за руку и ощутила, как он мгновенно отпрянул, прежде чем смириться с прикосновением ее пальцев.

– Что случилось? – спросила она.

– Взрыв на посадочной площадке.

– О! – Подумав, она добавила: – Это они?

– Нет. Нет, конечно, не они.

Элви попыталась обдумать услышанное. Если не они, как это могло случиться? Голова у нее прояснилась настолько, что она уже замечала, как путаются мысли. Неприятно, но, наверное, хороший признак.

– Плохо дело?

Она скорее почувствовала, чем увидела, как он пожал плечами.

– Плохо. Единственная сколько-нибудь хорошая новость – что их поселок рядом и врач у них толковый. Практиковалась на Ганимеде. Не окажись наши запасы погребены под парой тонн металла, она могла бы что-то сделать.

– Наша группа?

– Я видел Джорджио, он в порядке. Эрик погиб. Не знаю, что с Софи, но отправлюсь искать, когда у них дойдут руки до тебя.

Эрик погиб. Несколько минут назад он лежал в соседней койке, заигрывал с ней, злил ее. Этого Элви понять не могла.

– Садьям? – спросила она.

– Она же осталась на «Израэле». Ничего с ней не случится.

– Вот и хорошо.

Фаиз пожал ей руку и отпустил. Воздух там, где ладонь была нагрета его пальцами, холодил кожу. Фаиз перевел взгляд с рядов лежащих тел на обломки челнока. Стояла такая крошечная тьма, что Элви видела только силуэт на фоне звезд.

– Губернатор Трайнинг не выкарабкался, – сказал он.

– Не выкарабкался?

– Мертвее дохлой крысы. Мы не знаем, кто теперь должен командовать.

Элви ощутила, как слезы набегают на глаза, и боль в груди не имела отношения к ранению. Вспомнилась ласковая улыбка, теплый голос. Его работа только начиналась. Странно: смерть Эрика скользнула по поверхности сознания, как камешек по воде, а смерть губернатора Трайнинга зацепила так сильно.

– Жаль, – сказала она.

– Да уж. Мы на чужой планете в полутора годах пути от дома, все припасы разлетелись в щепки размером с зубочистку, и можно поставить приличные деньги на то, что все это – результат саботажа тех самых людей, которые теперь нас лечат. Смерть – это неприятно, но, по крайней мере, просто. Как бы нам еще не позавидовать Трайнингу.

– Ты сам не веришь тому, что говоришь. Все будет хорошо.

– Элви, – Фаиз сардонически хмыкнул, – думается мне, не будет.

Глава 3. Хэвлок

– Эй, – уныло позвал из камеры механик, – Хэвлок, ты еще злишься?

– Злиться – не мое дело, Уильямс, – ответил Хэвлок, зависнув над своим столом. Помещение внутренней службы безопасности на «Эдварде Израэле» было тесным. Два стола, восемь камер – то ли офис, то ли карцер. А в невесомости вышедшего на высокую орбиту корабля здесь становилось еще теснее.

– Слушай, я знаю, что позволил себе лишнее, но теперь-то я трезв. Выпустил бы ты меня? Хэвлок сверился с ручным терминалом.

– Еще пятьдесят минут, и можешь быть свободен. – Брось, Хэвлок. Есть у тебя сердце?

– Ничего не могу поделывать, правила есть правила.

Дмитрий Хэвлок тринадцать лет отслужил сотрудником безопасности по контрактам с восемью разными компаниями. «Пинквотер», «Звездная спираль», «Кооперация Эль-Хашем», «Стоун и Сиббетс» и прочими. Поработал недолго даже на «Протоген». Побывал в Поясе, на Земле, на Марсе и на Луне. Тянул лямку на грузовых транспортах по маршрутам Ганимед – Земля. Разбирался с самыми разными проблемами: с бунтами, семейным насилием, наркотрафиком и даже с придурком, у которого была мания воровать чужие носки. Не то чтобы все повидал, но многое. Достаточно, чтобы понять, что всего никогда не увидишь. И признать, что его реакция на кризисную ситуацию зависит больше от партнеров по команде, чем от самого кризиса.

Когда на базе «Афина» пошел вразнос реактор, его напарник запаниковал вместе с начальством, и Хэвлок до сих пор помнил, как страх тогда стиснул ему внутренности. Когда на Церере после гибели водовоза «Кентербери» начались волнения, его напарник держался скорее устало, чем испугано, и Хэвлок воспринимал ситуацию с той же угрюмой покорностью. Когда на «Эбису» обнаружили вирус Нипах и объявили карантин, его босс энергично – и едва ли не с наслаждением – раскладывал корабль, как сложную головоломку, и Хэвлоку тоже передалось чувство удовольствия от выполнения важной работы.

По долгому опыту Хэвлок знал, что люди – в первую очередь общественные животные; сам он был человеком до мозга костей. Казалось бы, куда романтичнее – да и мужественнее, черт побери, – изображать из себя остров в океане, недвижно стоящий под ударами волн бьющихся вокруг эмоций. Но он не был островом и примирился с этим фактом.

Когда сообщили, что площадка, подготовленная для посадки тяжелого челнока, взорвана, и пошли сведения о потерях, Мартри отреагировал вспышкой ярости – и Хэвлок тоже. Все действие разворачивалось на поверхности планеты, так что выплеснуть эту ярость можно было только на «Эдвард Израэль». А все, что происходило на «Израэле», Хэвлок твердо держал в руках.

– Ну пожалуйста, – скулил из камеры Уильямс, – мне переодеться надо. Какая разница, а? Несколько минут.

– Вот и досиживай, если разницы никакой, – сказал Хэвлок. – Сорок пять минут и до свидания. А пока сиди на попе ровно и старайся получить удовольствие.

– Как тут сядешь, когда мы плаваем на орбите.

– Это метафора. Не цепляйся к словам.

Назначение на «Эдвард Израэль» было великолепным контрактом. «Роял-Чартер-Энерджи» отправляла первую настоящую экспедицию в новую систему, открывшуюся благодаря кольцам, и важность этой миссии для компании отражалась в списках бонусов. За каждый день на «Израэле» полагались небывалые сверхурочные – даже за то время, когда корабль грузился и забирал команду с Луны. Полтора года пути, шесть лет до планового возвращения и еще

восемнадцать месяцев обратной дороги – все щедро оплачивалось. Это уже был не контракт, а карьера.

И все же Хэвлок колебался, подписывать или нет.

Он видел съемки с Эроса и Ганимеда, видел кровавую баню в так называемой «медленной зоне», когда защитная система пришельцев резко затормозила корабли, убив каждого третьего на борту. Множество ученых и инженеров, набившихся в «Израэль», не позволяли забыть, что корабль отправляется в неведомое. Там могут водиться чудовища.⁴

И вот губернатор Трайнинг мертв. Северн Астрапани, статистик, исполнивший классический рай-поп на конкурсе талантов, – мертв. Аманда Чу, флиртовавшая однажды с Хэвлоком, когда оба подвыпили, – мертва. Половина передовой группы – ранена. Весь груз челнока – да и сам челнок – пропал. Тишина, повисшая по всему «Израэлю», походила на момент шока между ударом и болью от него. А затем явились гнев и горе. Не только к команде, но и к Хэвлоку.

Загудел ручной терминал. Сообщение сотрудникам службы безопасности. Имена: Мартри, Вэй, Траян, Смит и он сам. Хэвлок был польщен. Может, он и младший из всех названных, а все же присутствует в списке. Сам факт, что его не забыли, создавал ощущение, будто Хэвлок хоть как-то контролирует события. То, что это иллюзия, его не волновало. Он быстро просмотрел сообщение, кивнул сам себе и набрал код, открывающий камеру. – Повезло тебе, – сказал он, – мне нужно на совещание.

Уильямс выбрался наружу. Его темные с проседью волосы растрепались, кожа выглядела серее обычного.

– Спасибо, – кисло процедил он.

– Больше так не делай, – посоветовал Хэвлок. – Все и так достаточно плохо, чтобы еще разумные люди усугубляли положение.

– Просто пьян был, – ответил механик. – Я ничего такого не думал.

– Знаю, – сказал Хэвлок. – И чтоб это не повторилось, договорились?

Уильямс кивнул, отведя глаза, и, подтянувшись на руках по захватам, отправил себя вдоль трубы к жилой палубе, где его ждала одежда, не порванная и не залитая рвотой. Хэвлок дождался, пока механик скроется, запер помещение и направился к залу совещаний.

Мартри был уже там. Энергия расходилась от этого маленького человечка волнами жара. Хэвлок знал, что шеф безопасности всю жизнь работал в тюрьмах корпораций и на обеспечении производственной секретности высшего класса. Добавьте к этому тот простой факт, что ему под начало отдали весь «Израэль», и станет ясно, почему авторитет дался ему без особых усилий. Плававшие рядом с ним спец по информации Чандра Вэй и зам по полевым операциям Гассан Смит смотрели серьезно и мрачно.

– Хэвлок, – поздоровался Мартри.

– Сэр, – кивнул в ответ Хэвлок, цепляясь за рукоять, чтобы развернуться головой в одну сторону с остальными.

Через несколько секунд внутрь вплыл Рив, заместитель Мартри. Тот кивнул и ему:

– Закрой дверь, Рив.

– А Траян? – спросила Вэй, хотя, судя по голосу, уже догадывалась об ответе.

– Траян погибла в челноке, – ответил Мартри. – Смит, вы повышены в должности.

– Очень жаль, сэр, – отозвался Смит. – Хороший офицер и профи. Нам будет ее неоставать.

– Да, – сказал Мартри. – Итак, мы собрались, чтобы обсудить наш ответ.

– Сбросим на самозахватчиков скалу? – предложила Вэй с юмором, в котором не было ни капли веселья. Мартри тем не менее улыбнулся.

⁴ Подобными надписями (в русском переводе чаще встречалось «Здесь обитают львы») иногда помечали неизведанные области на старинных картах.

– Пока будем несколько строже держаться предписаний, – сказал он. – Кроме того, там еще наши люди. Я сообщил домой и запросил, каким объемом полномочий располагаю в данном деле. Учитывая обстоятельства, почти не сомневаюсь, что, если до этого дойдет, мы их накроем.

– Нам до дома полтора года, – напомнила Вэй. Вывод из сказанного: «Никто нам не помешает поступить так, как сочтем нужным», – повис в воздухе.

– А до экранов с новостями по всей системе от Земли до Нептуна – несколько часов, – сказал Рив. – Как ни печально, придется держаться высоких моральных принципов. Любой перебор истолкуют как новый раунд угнетения бедных астеров злыми корпорациями. Мир еще не забыл «Протоген», и ничего с этим не поделаешь.

– Не помню, чтобы вас назначали политическим представителем, – съязвила Вэй, и у Рива сжались челюсти.

– Так. Это отставить, – вмешался Мартри.

– Сэр? – не понял Рив.

– Огрызаться друг на друга не будем. Не здесь.

– Простите, сэр, – сказала Вэй, – позволила себе лишнее.

– Ничего, однако пусть это не повторится, – ответил шеф. – Что мы наблюдаем на «Барбапикколе»?

– Ничего, – доложила Вэй. – Астеры прислали свои соболезнования и предложили помощь – как будто они могут чем-то помочь.

– Они не прогревают двигатели?

– Насколько я знаю, нет, – ответила Вэй.

– Мы за этим приглядываем, – произнес Мартри. Это было утверждением и вопросом одновременно.

– Мы могли бы предъявить права на корабль, – предложила Вэй. – Он, пока фирма не рассыпалась, принадлежал «Мао – Квиковски». Статус «бесхозного имущества» довольно мутный. Назовем незаконным захватом, пошлем на него несколько человек, и вопрос закрыт.

– Учту, – кивнул Мартри. – Как наши люди, Хэвлок?

– Потрясены, сэр. Испуганы. Злы. Тут ведь ученые. Самозахватчики для них – помеха и угроза чистоте данных. Большинство ни с чем подобным не сталкивалось.

Мартри потер подбородок кулаком.

– Что они намерены делать?

– Пока что – напьются. Наорут друг на друга или на нас. Начнут изобретать теоретические правовые выходы. Больше всего им хочется, чтобы ничего этого не было и они могли свободно заниматься своими исследованиями.

– Благослови, боже, яйцеголовых! – хихикнул Мартри. – Хорошо.

– У нас еще осталось два легких атмосферных челнока, – продолжал Хэвлок. – Я найду для них пилотов, и мы сможем эвакуировать своих с планеты.

– Никакой эвакуации. Этого самозахватчики не дождутся, – возразил Мартри. – Все, кто сел, там и останутся. Мы пошлем людей для их поддержки. Не знаю, что там они хотят исследовать, но мы уж постараемся, чтобы работа двигалась. И чтобы каждый внизу своими глазами увидел, как она движется.

– Есть, сэр, – немного смутился Хэвлок.

– Рив, вы отправитесь вниз. Разберетесь с местными. Узнаете, что сумеете. Обеспечите безопасность наших людей. Мы должны продемонстрировать силу.

– Но не в такой степени, чтобы телезрители дома начали их жалеть, – добавил Рив так, будто соглашался с начальником.

– Вэй, наблюдайте за вражеским кораблем. Если он начнет греть двигатель, я должен об этом знать.

– Разрешите подстроить соответственно лазерный коммуникатор?

На «Эдварде Израэле» не было ни торпед, ни гауссовых пушек. Единственное, что могло сойти за оружие, это древний лазерный передатчик, если с ним повозиться. В те времена, когда строился корабль, космос грозил людям радиацией и удушьем, а не преднамеренным насилием. Тихая была жизнь.

– Нет, – ответил Мартри, – просто мониторьте все их действия, слушайте разговоры и докладывайте мне. Решать, если что, буду я. Никакой инициативы, ясно?

– Да, сэр.

– Хэвлок, останешься здесь для координации с наземной группой. Челноки используйте по необходимости для доставки на поверхность людей и материалов. Нам нужна база, и мы начинаем ее обустройство.

– А если новая атака, сэр? – спросила Вэй.

– Это уж будет выбор самозахватчиков, и мы отнесемся к нему с уважением, – ответил Мартри. – Не уверена, что понимаю вас, сэр?

Улыбка Мартри не коснулась глаз.

– Каждый вправе сам выбирать свою судьбу.

* * *

Каюта Хэвлока была немногим просторнее камер в его каталажке, но заметно уютнее. Закончив смену, он устраивался в койке, когда в дверь негромко постучали и Мартри, подтянувшись за раму, вплыл внутрь. Шеф был мрачен, но не мрачнее обычного.

– Что-то случилось, шеф? – спросил Хэвлок.

– Ты работал с астерами, – сказал Мартри. – Какого ты о них мнения?

– Люди как люди, – ответил Хэвлок. – Одни лучше, другие хуже. У меня остались друзья на Церере.

– Хорошо. Но что ты о них думаешь?

Хэвлок в задумчивости заерзал так, что натянулась предохранительная сетка на койке.

– Они – островной народ. Можно сказать, отдельное племя. Думаю, наиболее общая их черта – нелюбовь к обитателям внутренних планет. Хотя марсиан еще кое-как терпят. Психология малой гравитации.

– Значит, ненавидят в основном землян, – подытожил Мартри.

– Ненависть их объединяет. Уверенность, что земляне их угнетают, – пожалуй, единственное, что между ними общего. Они культивируют эту идею. Ненависть к таким, как мы, делает астеров астерами.

Мартри кивнул.

– Знаешь, кое-кто назвал бы такое мнение предрассудком.

– Это предрассудки, пока вы не оказались среди них, – ответил Хэвлок. – Я работал на станции Церера перед захватом ее АВП. На своей шкуре испытал.

– Что ж, думаю, ты прав, – кивнул Мартри. – Об этом я и хотел поговорить. Не для протокола. У нас на борту в основном земляне, в лучшем случае, марсиане. Но есть и несколько астеров. Например, тот техник, как там его?

– Бишен?

– Он самый. Не упускай их из вида.

– Что-то затевается?

– Просто эти самозахватчики – в основном астеры или внешники, а РЧЭ – земная компания. Плохо, когда люди сомневаются, кому принадлежит их верность.

– Да, сэр, – согласился Хэвлок и осторожно уточнил: – Что-то происходит, сэр?

– Пока нет. Но... что ж, почему бы и не сказать. Я получил сообщения из главной конторы. Мой запрос на расширение полномочий вежливо отклонили. По-видимому, в дело оказалась замешана политика. АВП ведет переговоры с ООН. Добиваются, чтобы самозахватчиков не обижали.

Как бы Мартри ни сдерживал ярость, ее сила захватила Хэвлока.

– Но у нас лицензия. Мы здесь в своем праве.

– Да.

– И не мы начали агрессию.

– Не мы.

– И что нам делать? Сидеть сложа руки, позволив астерам убивать нас и красть наше добро?

– Продажи лития с нелегальных копей заморожены, – сообщил Мартри, – а нам велено не развивать конфликт.

– Чушь собачья! Как нам работать, если нельзя пальцем тронуть стреляющих в нас ублюдков?

Мартри пожал плечами, соглашаясь, а в его спокойном, лаконичном ответе зазвучало презрение:

– Кажется, к нам выслали посредника.

Интерлюдия. Сыщик

Тянется... тянется... тянется...

Сто тринадцать раз в секунду, без ответа и без остановки. Оно не мыслит – мыслят только отдельные его части. В его структуре содержатся детали, бывшие когда-то организмами – самостоятельными, сложными и высокоразвитыми. В его конструкции запрограммирована импровизация, использование подручных материалов и дальнейшее развитие.

Что сошло, то и подошло, поэтому артефакты оно игнорирует или адаптирует под себя. Мыслящие части пытаются понять, к чему оно тянется. Интерпретировать его действия.

Одна такая часть представляет себе, как дергается, дергается лапка насекомого. Другая слышит треск электрических искр, щелчки, настолько частые, что сливаются в гудение. Еще одна в полузабытии вновь чувствует, как плоть сползает с ее костей, переживает тошноту и ужас и – который год – молит о смерти. Эту зовут Мария. Оно не позволяет ей умереть. Оно не утешает ее. Оно ее не сознает, потому что не обладает сознанием.

Но «не мыслить» не значит «не действовать». Оно берет силу всюду, где ее находит, купается в слабом излучении. Крошечные структуры, мельче атома, собирают энергию пролетающих сквозь него быстрых частиц. Субатомные ветряные мельницы. Оно ест пустоту и тянется... тянется... тянется...

В тех артефактах, что продолжают мыслить, еще теплятся отпечатки прошлых жизней. Измененные, но сохранившие жизнь ткани содержат воспоминания о мальчике, звавшем домой сестренку. Помнят таблицу умножения. В них сохранились образы секса, насилия, красоты. Образы не существующей больше плоти. В них сохранились метафоры: митохондрия, морская звезда, Гитлер в кувшине, ад. Они видят сны. Бывшие нейроны, подергиваясь и сплетаясь, загораются и порождают сновидения. Образы, миры, боль, страх – без конца. Всепоглощающее ощущение болезни. Старик помнит голос, шептавший невнятные сухие слова: «Отец твой спит на дне морском. Кораллом стали кости в нем...»⁵

Быть может, ответ ему кто-нибудь, это закончилось бы. Найдись где-то, кому ответить, оно бы замерло, как камешек у подножия холма, – но ответа нет. Шрамы знают, что ответа не будет, но рефлекс запускает рефлекс, запускающий рефлекс, и оно тянется куда-то.

Этот каскад рефлексов уже разгадал миллиард маленьких головоломок. Оно о них не помнит, помнят только его шрамы. Оно просто тянется, посылает сообщение, что задание выполнено. Ответа нет, и потому оно не может остановиться. Этот сложный механизм по разгадыванию головоломок использует все, что подвернется. «Два перла там, где взор сиял...» И потому оно – сыщик.

Из всех шрамов этот – последний. Он самый цельный. Он полезен и потому используется. Оно создает сыщика на основе матрицы, не понимая, что делает, и испытывает новый способ дотянуться куда-то. И получает ответ. Не совсем правильный, незнакомый, дикий – и все же ответ. Потому оно год за годом воссоздает сыщика и тянется снова, раз за разом. Сыщик становится все сложнее.

Оно не перестанет, пока не установит связь окончательно. А не установит оно связь никогда. Оно тянется, перебирает комбинации, различные способы дотянуться, не сознавая, что делает. Не сознавая само себя. Оно пустое, если не считать мелких деталей.

Лапка насекомого будет вздрагивать вечно. Шрамы, вопиющие о смерти, будут молить вечно. Сыщик будет искать вечно. Тихий голос будет вечно бормотать:

Он не исчез и не пропал,

⁵ Здесь и далее – У. Шекспир, «Буря», пер. Т. Л. Щепкиной-Куперник.

Но пышно, чудно превращен
В сокровища морские он.

Оно тянется...

Глава 4. Холден

– Линкор «Салли Райд», говорит независимый корабль «Роксинант». Запрашиваю разрешение на проход через кольцо для одного судна. Тяжелый грузовоз АВП «Мечта Каллисто».

– Передайте код авторизации, «Росинант».

– Передаю. – Холден отстучал на экране код и потянулся так, что движение приподняло с кресла почти невесомое тело. Несколько усталых суставов отозвались щелчками.

– Стареешь, – сказал Миллер. Детектив в помятом сером костюме и шляпе стоял в нескольких метрах поодаль, ногами на палубе, словно что-то весил. Чем более умнел симулякр – а за последние два года он стал чертовски разумным, – тем меньше заботился о соответствии реальности.

– А ты нет.

– Мои кости стали кораллом, – согласился призрак. – Мера за меру.

Когда с «Салли Райд» прислали разрешительный код, Алекс аккуратно и медленно провёл их через кольцо, подстроившись под скорость и курс «Каллисто». Звезды пропали, едва корабль углубился в черное ничто ступицы. Миллер при прохождении кольца мигнул, начал было проявляться заново, но растворился облачком голубых искр, когда грохнул палубный люк и в него протиснулся Амос.

– Причалим? – без предисловий начал механик.

– На этот раз не придется, – ответил Холден и вызвал кабину пилота: – Алекс, остаемся здесь, пока не увидим, как причалит «Каллисто», а потом возвращаемся.

– А несколько дней на станции не помешали бы, шеф, – заметил Амос, подтягиваясь к одному из постов управления и пристегиваясь. На рукаве его серого комбинезона виднелась подпалина, левая ладонь наполовину скрывалась под бинтом. Холден кивнул на повязку. Амос пожал плечами.

– Нас на Тихо ждет пара кораблей с почвой, – напомнил Холден.

– У всех яйца киснут пропихнуть их на этот маршрут. При таком количестве вояк кругом что-то подобное было бы самоубийством.

– Однако Фред хорошо платит нам за их сопровождение к станции «Медина», и мне по вкусу его денежки. – Холден развернул корабельные телескопы и приблизил изображение колец. – А вот оставаться здесь дольше необходимого – не по вкусу.

Призрак Миллера был созданием техники пришельцев – тех же, что сотворили врата. Мертвец два года, с тех самых пор, как они деактивировали «Станцию колец», следовал за Холденом. Проводил время, чего-то требуя, расспрашивая и подбивая Холдена испытать новооткрывшиеся врата для исследования планет на той стороне. От сумасшествия Холдена спасло лишь то обстоятельство, что Миллер появлялся, когда рядом никого не было, – а на корабле размером с «Росинант» такое редко случается.

В рубку вплыл Алекс. Его редеющая темная шевелюра топорщилась во все стороны, под глазами виднелись черные круги.

– Посадка не планируется? А то хорошо было бы пару дней отдохнуть на станции.

– Видал? – спросил Амос.

Не успел Холден ответить, как из люка показалась Наоми.

– Мы причаливать не собираемся?

– Капитан спешит за теми землевозами на Тихо. – Амос умудрился объединить в голосе насмешку и нейтралитет.

– Мне бы не помешало несколько дней... – начала Наоми.

– Обещаю вам после возвращения неделю на Тихо. Просто мне не хочется проводить отпуск... – Холден ткнул пальцем в экран, на котором висела мертвая сфера станции и блестяли кольца, – здесь.

– Трусишка, – сказала Наоми.

– Угу.

Приемник высветил сигнал о поступлении направленной передачи. Амос, который был ближе всех к приборной панели, стукнул пальцем по экрану.

– «Росинант», – отозвался он.

– «Росинант», – заговорил знакомый голос, – вызывает станция «Медина».

– Фред, – вздохнул Холден. – Проблемы?

– Вы высаживаться не собирались? Наверняка ребятам не помешало бы несколько дней на...

– Я могу быть полезен? – перебил его Холден.

– Да, можешь. Свяжись, когда причалишь. Есть дело.

– Черт побери, – выругался Холден, отключившись. – У вас когда-нибудь бывало чувство, что вселенная решила вас достать?

– Бывало чувство, что вселенная решила достать тебя, – ухмыльнулся Амос. – Забавное зрелище.

– Опять переименовали. – Алекс увеличил вид на вращающуюся станцию, до недавнего времени звавшуюся кораблем «Бегемот». – «Медина» – подходящее название.

– Кажется, это значит «крепость»? – нахмурилась Наоми. – Не слишком ли воинственно?

– Да нет, – сказал Алекс. – Хотя что-то вроде того. Так называлась огороженная стеной часть города. А потом она стала и центром общественной жизни. Узкие улочки, по которым не пробиться захватчикам, не пропускали также и потока транспорта. Пройти можно было только пешком, поэтому там собирались городские торговцы. В итоге получилось место, куда приходят за покупками, пообщаться, попить чайку. Безопасное место для собраний. Хорошее имя для станции.

– Ты много об этом думал? – спросил Холден.

Алекс пожал плечами.

– Интересный вопрос – эволюция корабля и его имен. Первым было «Наву». Город беглецов, так? Большой космический город. Потом «Бегемот» – самый большой и нелепый военный корабль во всей системе. Теперь – станция «Медина». Место собраний. Тот же корабль, три разных имени, три разных судьбы.

– Но корабль все-таки тот же, – кисло повторил Холден, приказывая «Росинанту» выйти на стыковочный курс.

– Имена – это важно, босс, – подумав, заметил Амос. На его крупном лице было странное выражение. – Имена все меняют.

* * *

На станции «Медина» шли работы. Большие секции внутреннего вращающегося барабана застилались почвой для дальнейшего производства продуктов, но во многих местах еще проступала металлокерамика. Большую часть повреждений, полученных бывшим кораблем колонистов в боях, успели зачистить и заделать. Офисы и хранилища в стенках барабана превратились в лаборатории для исследования открывшихся человечеству новых миров. Если Фред Джонсон, бывший полковник земного флота, а ныне глава уважаемого крыла АВП, и видел в «Медине» естественное место дислокации неоперившегося правительства Альянса Внешних Планет, у него, по крайней мере, хватало ума не объявлять об этом во всеуслышание.

Холден так часто становился свидетелем того, как здесь гибнут люди, что для него гигантский корабль навсегда превратился в кладбище. Впрочем, то же самое он мог бы сказать о любом правительственном здании.

Фред сидел в своем новом кабинете. Во времена, когда «Медина» еще звалась «Наву», эта комната предназначалась для администрации колонистов. Потом ее заняло «Свободное радио медленной зоны». Теперь пробоины залатали, стены перекрасили и декорировали восстанавливающими воздух растениями. Видеоэкраны демонстрировали вид на кольца вокруг корабля. Холден подивился такому контрасту. Человечество, проникая через червоточины во все точки пространства, не забывало захватить с собой папоротники.

Фред возился с кофеваркой.

– Тебе ведь черный?

– Да. – Холден взял у него исходящую паром чашку. – Не люблю я здесь бывать.

– Понимаю. И ценю, что ты все-таки заглянул, – сказал Фред, падая в кресло со вздохом, который при трети g выглядел чересчур показным. Впрочем, тяжесть, лежавшая на плечах Фреда, не имела отношения к гравитации вращения. Холден знал Джонсона пять лет – и эти годы его не пощадили. Когда-то черные с проседью волосы стали совсем белыми, темная кожа была изрезана мелкими морщинками.

– Признаков жизни не подает? – спросил Холден, указывая кофейной чашкой на экран, где светился раздутый шар «Станции колец».

– Я должен тебе кое-что показать, – произнес Фред, словно не услышав вопроса. Дождавшись кивка Холдена, он постучал по экрану, и за его спиной ожил видеопроектор. На нем застыло на полуслове лицо Крисьен Авасаралы. Второй секретарь исполнительной администрации возвела глаза к небу, а губы скривила в усмешке. – Эта часть касается тебя.

«...ом деле только предлог, чтобы помериться, кто выше ссыт на стенку, – сказала Авасарала. – Так что, думаю, пошлем Холдена».

– Пошлем Холдена? – повторил Холден, но видео продолжало крутиться, а Фред не отвечал. – Куда пошлем? Куда мы пошлем Холдена?

«От “Медины” ему будет недалеко, а ненавидят его все одинаково, так что можно утверждать, что он вне партий. Он связан с вами, с Марсом, со мной. Он никудышный дипломат, так что подходит идеально. Введите его в курс дела, скажите, что ООН платит вдвое выше его обычных расценок, и как можно скорее отправьте на Новую Терру, пока там не напортачили еще больше».

Старая дама склонилась к камере, заполнив лицом весь экран. Холден видел все до единой морщинки и старческие пятна.

«Если Фред показывает тебе эту запись, Холден, имей в виду, что родная планета ценит твои услуги. И постарайся не прищемить себе хрен, на нем и так достаточно синяков». Фред остановил запись и откинулся на спинку стула.

– Так вот...

– Что за черт? – спросил Холден. – Какая еще Новая Терра?

– Новая Терра – первое пришедшее на ум название для первого из миров, исследованных через сеть колец.

– А по-моему, это был Илос.

– Илосом, – вздохнул Фред, – его назвали высадившиеся там астеры. «Роял-Чартер-Энерджи», получившая лицензию на разработку, называет планету Новой Террой.

– А она имеет право? Там уже живут люди. И все зовут ее Илос.

– Здесь все зовут ее Илос. В том-то и дело, как ты понимаешь, – ответил Фред и сделал долгий глоток, выигрывая время на размышления. – Никто такого не ожидал. Беженцы с Ганимеда цапнули тяжелый грузовик «Мао – Квиковски» и на скорости рванули в кольцо сразу, как пришли первые данные с зонда. До того как мы сложили сведения в связную картинку. До

военной блокады. До того как «Медина» изготовилась нарушить безопасный в пространстве «Станции колец» скоростной режим. Они проскочили так быстро, что мы их и окликнуть не успели.

– Дай угадаю, – сказал Холден. – Врата Илоса находятся прямо напротив Солнечных врат?

– Не совсем. У них хватило ума зайти под углом, чтобы не врезаться в «Станцию колец» на трестах тысячах километров в час.

– Итак, они год прожили на Илосе, а потом откуда ни возьмись выскочила РЧЭ и сказала им, что, как ни странно, это ее планета?

– РЧЭ получила у ООН лицензию на научное исследование Илоса – или Новой Терры, как ни назови. Причем именно потому, что там высадились беженцы с Ганимеда. Предполагалось, что эти миры до заселения станут изучать не один год.

Тон, каким это было сказано, вызвал щелчок в голове Холдена.

– Погоди. Лицензию ООН? С каких пор ООН распоряжается тысячью миров?

Фред невесело усмехнулся.

– Ситуация сложная. У нас есть ООН, которая претендует на право распоряжаться новыми мирами. Есть граждане АВП, заселившие такой мир без разрешения. Есть энергетическая компания, заполучившая исследовательскую лицензию на мир, который чисто случайно располагает невиданно богатыми запасами лития.

– И есть вы, – дополнил Холден, – оседлавшие турникет, ведущий в эти миры.

– Думается, вполне позволительно сказать, что АВП в корне не согласна с мыслью, будто ООН вправе в одностороннем порядке выдавать подобные разрешения.

– И вы с Авасаралой хотите это прекратить, пока не зашло еще дальше?

– Тут имеется еще пяток переменных, но для начала – да. И тут вступаешь ты. – Фред ткнул в сторону Холдена своей чашкой. На ее боку было крупно напечатано: «Босс». Холден подавил смехок. – Ты сам себе хозяин, но и я, и Авасарала уже с тобой работали и решили, что можно и повторить.

– Вот уж воистину глупая причина.

Фред прикрылся улыбкой.

– И то, что твой корабль пригоден для полетов в атмосфере, тоже не помешает.

– Вы же знаете, мы никогда не пользовались этой возможностью. Меня не тянет проверять, хорошо ли он маневрирует в атмосфере, на планете, от которой до ближайшей ремонтной базы миллион километров.

– «Росинант» – военный корабль, и...

– Забудь. Что бы ни говорила твоя чашка, я не собираюсь нагибать колонистов. Ни за что.

Фред вздохнул и придвинулся ближе. Голос его, когда он заговорил, был теплым и мягким, как фланелька, но под ней все равно чувствовалась сталь:

– Для тысячи планет еще нет никаких законов. Это первое испытание. Ты будешь беспристрастным наблюдателем и посредником.

– Я – посредником?

– Я тоже оценил иронию. Но дела там уже плохи, и нам нужен человек, который удержит равновесие, пока три правительства придумают, что следует делать.

– То есть я должен представить ситуацию так, словно вы уже что-то реализуете, пока вы будете размышлять? – понял Холден. – А насколько там плохо?

– Колонисты взорвали грузовой челнок РЧЭ. На нем летел временный губернатор. Погиб он, несколько ученых и сотрудников РЧЭ. Если на Илосе завяжется открытая война между астерами и корпорацией ООН, это не пойдет нам на пользу в переговорах.

– И я должен сохранить мир?

– Заставь их разговаривать, и подольше. Действуй, как привык, – обеспечь абсолютную прозрачность. В таком случае секреты никому не помогут. Это вполне по твоей части.

– Я думал, вы видите во мне что-то вроде сорвавшейся с креплений пушки, готовой разнести всю галактику. Не потому ли Авасарала посылает меня поближе к пороховой бочке, что добивается, чтобы там рвануло?

Фред пожал плечами.

– Меня не столько волнует, чего хочет она, сколько чего хочу я. А старушке ты, может быть, просто нравишься. Не спрашивай меня почему.

* * *

Миллер ждал его за дверью кабинета.

– На станции «Медина» сейчас три тысячи человек, – заметил Холден. – Как так вышло, что никто из них не оказался рядом, чтобы прогнать тебя?

– Возьмешься за эту работу? – спросил Миллер.

– Еще не решил, – сказал Холден. – Что тебе и самому известно, как симулякру, созданному моим же мозгом. Спрашивая, ты на самом деле предлагаешь мне за нее взяться. Поправь, если я ошибаюсь.

Холден зашагал по коридору в надежде, что случайная встреча изгонит дух Миллера. Тот шел следом, стуча подошвами по керамическому полу. От того, что гулкое эхо существовало только в сознании Холдена, становилось еще жутче.

– Не ошибаешься. Надо взяться, – заговорил Миллер. – Этот человек прав. Дело серьезное. В таких случаях кучка недовольных местных жителей мигом способна устроить мясорубку – оглянуться не успеешь. Я как-то на Церере...

– Ох, только не это! Не надо коповских баек от мертвеца. Что тебе понадобилось на Илосе? – спросил Холден. – Не повредит, если ты прямо скажешь, что ищешь по ту сторону колец.

– Ты сам знаешь, что я ищу, – ответил детектив. Он даже умудрился принять грустный вид.

– Ага, какую-то жуткую чужую цивилизацию, которая тебя создала. И я уже знаю, что ты ее не найдешь. Черт, ты сам это знаешь!

– И все равно я должен, и... – Миллер пропал. Женщина в синей униформе станционной службы безопасности прошла мимо, не отрывая взгляда от ручного терминала. Она буркнула что-то вроде приветствия, не поднимая глаз.

Холден по лестнице прошел к внутренней поверхности жилого вращающегося барабана «Медины». Здесь Миллер бы его никак не достал. Здесь шла активная работа, одни люди расстилали почвенные ковры на будущие поля, другие собирали из готовых блоков будущие дома и склады. Холден, проходя, весело помахал им. Назойливость Миллера научила его ценить присутствие в поле зрения живых людей. Они самим своим существованием изгоняли из его жизни толику ужаса. Вместо того чтобы на лифте подняться к переходнику, ведущему из барабана в невесомость кормовой части, где стоял в доке «Росинант», Холден зашагал по длинной изогнутой эстакаде, просматривавшейся из любой точки барабана. В прошлый раз он поднимался здесь под выстрелами. Вокруг гибли люди. Воспоминания были не из приятных, но Холден решил, что это лучше, чем оказаться запертым в одной кабине с Миллером. Вселенная становилась для него тесновата.

У выхода из переходника он на минуту завис, оглядывая барабан. Отсюда расстеленная почва напоминала шахматные клетки, темно-коричневые на фоне серого корпуса. По клеткам букашками ползали загадочные механизмы, превращавшие металлический пузырь в крошечный самодостаточный мир.

«Мы забудем, как это делается», – подумалось Холдену. Человечество едва научилось выживать в космосе, а теперь все выученное забудется. Зачем создавать новые стратегии выживания на крошечных станциях вроде «Медины», когда тысяча новых миров ждет завоевания: даровая вода и воздух, только руку протянуть. Эта внезапная мысль настроила Холдена на меланхолический лад.

Он повернулся спиной к рабочим, занятым уже ненужным делом, и отправился на свой корабль.

* * *

– Так что, – начала Наоми, когда команда расселась в камбузе «Росинанта», – летим на Илос?

Холден за несколько минут объяснил, чего хотят от них Фред Джонсон и Авасарала, а потом вроде как сбился. По правде сказать, ответа на вопрос Наоми он не знал.

– На то есть много причин, – наконец заговорил он, выстукивая на металлическом столике частую дробь. – Дело действительно важное. Прецедент, которому последует тысяча миров. И, признаться, мысль, что мы можем этому помочь, меня привлекает. Прокладывать колею, по которой покатят другие, – чертовски волнующее занятие.

– И деньги хорошие, – напомнил Амос. – Не забудь о деньгах.

– Но... – подсказала Наоми, с улыбкой тронув его за плечо. Показывала, что он смело может поделиться своими опасениями. Холден улыбнулся в ответ и похлопал ее по руке.

– Но у меня есть одна веская причина для отказа, – признался он. – Миллеру туда очень хочется.

Молчание было долгим. Первой заговорила Наоми:

– Ты должен взяться.

– Правда?

– Да, – сказала она. – Потому что ты думаешь, что сумеешь помочь.

– А ты думаешь, нет?

– Нет, – сказала Наоми, – я думаю, сумеешь. Но даже если мы ошибаемся, ты свихнешься, если хотя бы не попробуешь.

– И еще, – добавил Амос, – деньги уж очень хорошие.

Глава 5. Бася

– Слезы Христовы, Бася! – воскликнул Куп. – Это ведь мы побеждаем. А что с тобой будет, когда земля под ногами закачается?

Остальные смотрели на него и ждали. Скотти с Питом. И еще Лорис и Катерина, Ибрагим и Зади. Бася скрестил руки на груди.

– Они узнают, кто убил губернатора... – начал он, но Куп отмахнулся от него, как от мухи:

– Не узнают. Если до сих пор не разобрались, понемногу забудется. Было и прошло. Черт, я и сам не помню, кто это сделал. А ты, Зади?

Зади покачала головой.

– Нэ савви, – отозвалась она на жаргоне астеров – своем родном языке. Куп указал на нее, словно произнесенные слова решили дело.

– Мне тоже не нравится, как все обернулось, – вставил Пит, – но, не сделай мы этого, они бы уже все были здесь, а так только по капле просачиваются. Холден застал бы уже готовый купол, и что тогда?

– Именно! – подхватил Куп. – Мы хотели их притормозить – и притормозили. Теперь вопрос, как использовать выигранное время.

– Перебить всех и скинуть тела в шахту, – предложила Лорис, улыбкой показывая, что это в основном шутка.

– Я думал, нельзя ли подпортить им передатчик, – сказал Ибрагим. – Все сигналы идут через один транслятор в техническом бараке. Если с ним что-то случится, им, как и нам, будет не хватать частот.

– И к ручным терминалам это тоже относится? – спросил Куп.

– Возможно, – сказал Ибрагим. – Наверняка поломка ограничит дальность связи и поле зрения.

– Стоит поразмыслить, – согласился Куп.

До развалин, где они собрались, от поселка было полчаса быстрым шагом. Огромные башни из незнакомого, похожего на кость материала вырастали из земли, клонились друг к другу в кажущемся беспорядке, но стоило взглянуть на них в нужном ракурсе, как открывалась сложная симметрия. Углы строений под башнями были скруглены, изгибались пластинками жабр или лапами невообразимо сложной машины.

Мягкий ветерок пронизывал руины, посвистывая, как далекая тростниковая флейта. Когда-то здесь была жизнь, но давно пропала, а оставленные ею кости стали тайным укрытием заговорщиков. Басе вдруг вспомнился видеофильм о морских рачках, заселивших костяк мертвого кита.

– У меня вопрос, – заговорил Бася. – Чего мы добиваемся? Предположим, обрежем их диапазон частот. Что нам это даст?

– Им станет труднее доказывать свою ценность, – ответила Лорис. – Я, как и все мы, читала текст контракта. Да, там много о сохранении среды, о научной базе и об ограничениях, но хватит темнить: РЧЭ явилась за прибылью. Если мы ясно покажем, что прибыли не будет...

– Не о том речь, – возразил Ибрагим. – Что нам необходимо, так это утвердить свои права на планету. Прибыль и расходы потом.

– Я с тобой не согласна, Брам, – возразила Лорис. – Вспомни историю колониализма: законность, права – все это подводилось постфактум. Ты же видишь...

– Я, – вклинился Куп, – вижу, что до прилета наблюдателя от ООН и АВП остается все меньше времени. Бася, ты хочешь что-то добавить?

Бася хрустнул пальцами.

– Он должен увидеть, что в РЧЭ беспорядок, а у нас корабль набит готовым к продаже литием.

– Вот так и сделаем, – недобро улыбнулся Куп.

Расходились по одному или парами, чтобы не привлекать внимания. Первыми ушли Пит с Ибрагимом – вместе, как положено любовникам. За ними, попрыгивая трубкой, – Скотти. Лорис и Катерина. Следом обычно уходили Зади с Купом, но не сегодня. Сегодня Куп кивком отпустил Зади. Та шевельнула ладонью – это был жест астеров, привычных к общению в вакуумных скафандрах, – и зашагала прочь на длинных ногах, переставляя их с неуклюжим изяществом. Как жираф.

– Трудно тебе пришлось, – заговорил Куп.

Бася пожал плечами.

– Начало не из лучших, только и всего.

– Ты и раньше был таким же. Ты не боец, – сказал Куп.

– Верно, – с горечью признал Бася.

Они, как и остальные, после Ганимеда год прожили на корабле. Оба отстаивали исход на новые планеты, когда открылись врата. Бася знал Купа как бойца той ветви АВП, которая не признавала никаких компромиссов с внутренними планетами. Рассеченный круг Альянса Внешних Планет был наколот у него над левой лопаткой. Басе не в первый раз подумалось, что название «внешние планеты» за последние пару лет приобрело совсем новый смысл.

– Бывает тяжело, – продолжал Куп, – особенно на больших станциях. На Церере, а прежде – на Эросе. На Ганимеде. Там много внутренков. Живешь с ними, работаешь, случается, кое с кем и сдружишься. А потом приказ, и ты должен запечатать скафандр и оставить кого-то на смерть. Иначе нельзя, иначе станут выискивать закономерность. Кто выжил, когда должен был умереть. Это может выдать ячейку.

Бася покивал, но во рту у него стало кисло.

– Вот что мы такое? Ячейка АВП?

– Против захватчиков с Земли, нэ? Те еще хуже.

– Да, – сказал Бася, – я тебя понимаю.

– Понимаешь ли? На мой взгляд, с твоей подачи люди задают слишком много вопросов. Задумываются, верный ли путь они выбрали.

– А тебе это мешает? – ошетинился Бася.

– Тебе мешает, друг. Чем больше сомневаешься ты, тем больше сомневаются они. И не думай, будто я и вправду забыл. Все мы помним, кто нажал ту кнопку.

* * *

Обратный путь всегда выводил Басю из равновесия. Возвращаясь, он видел слишком много напоминаний о том, что сделала и чего не сделала их группа... ячейка. Маленькая гидрологическая лаборатория над промывкой – геодезический купол и буры. Как на миниатюрной шахте. Одинокий домик экзобиологов на окраине поселка. Незнакомые люди на площади, бейджики РЧЭ на их одежде.

На пустыре к северу от поселка пылили ногами футболисты: местные, в команде которых был его сын Яцек, играли с командой корпорации. Ну, пока они хотя бы в разных командах. Бася обогнул их и вошел в поселок по обычной дорожке, тянущейся от рудника. Бриз превратился в ветер, гоняющий пыльные смерчки. По высокому своду неба тянулся клин крупных тварей, похожих на белых медуз с золотистыми щупальцами. По словам Люсии, каждая из них была размером с корабль, но Басе не верилось. Он задумался, дал ли уже кто-нибудь название этим медузам.

– Бася!

– Кэрол, – кивнул он крупной женщине, пристроившейся к нему на ходу. Кэрол Чививе после приземления единодушно была выбрана координатором. Умная, целеустремленная, волевая, но не задиристая. Кэрол почти наверняка догадывалась, что он участвовал в происшествии на посадочной площадке, но это не имело значения. Одни секреты остаются секретами, потому что о них не знают. Другие – потому что о них не говорят.

– Я собираю бригаду для профилактики шахты. Она выходит завтра. Дней на пять, на шесть. Тебя записывать?

– Там что-то случилось?

– Нет, и я хочу, чтобы и впредь не случилось. Осталось поднять наверх всего несколько грузов, и можно отправлять корабль.

– Хорошо бы набить полный трюм до появления наблюдателя, – заметил Бася.

– Совершенно справедливо, – улыбнулась Кэрол. – Рада, что ты согласен. Сбор на площади в девять.

– Хорошо, – сказал Бася, и Кэрол, хлопнув его по плечу, отправилась по своим делам. А он только минут через двадцать сообразил, что, собственно, не давал согласия. «Вот потому она всем и заправляет», – подумал он.

Дом, где жила его семья, стоял ближе к окраине. Кирпичи лепили из местной глины, прессовали на рудничном оборудовании и обжигали в печи с поддувом. Примитив. Следующим шагом было бы вырыть себе пещеру и нарисовать на ее стенах бизонов. Люсия стояла на крыльце, обмахивая кирпичи веничком из местной травы – или ее аналога. Растение пахло навозом и мятой, а будучи срезанным, меняло цвет с черного на золотистый.

– Еще неизвестно, чем газует эта штука, – сказал Бася. Семейная шуточка. Ответ жены зависел от ее настроения и служил лакмусовой бумажкой, выявляющей кислотность семейных отношений.

– Там на треть канцерогенов, на треть мутагенов и еще треть невесть чего, – с улыбкой отозвалась Люсия. Значит, все хорошо. Бася вздохнул свободнее, поцеловал жену в щеку и нырнул в домашнюю прохладу.

– Брось ты это дело, – крикнул он, – все равно ветром нанесет.

Люси еще немного пошуршала метелкой по кирпичу и вошла в дом. По меркам Ганимеда или корабля, дом у них был громадный. У каждого из детей имелась своя спальня, и еще одна – у родителей. Отдельное помещение для кухни. На «Барбапикколе» даже капитанская каюта на несколько метров уступала дому Баси. Вся эта варварская роскошь принадлежала ему. Он сел на стул перед окном и оглядел равнину.

– А где Фелисия?

– Пошла гулять, – ответила Люсия.

– Ты говоришь совсем как она.

– Все, что я знаю о Фелисии, я знаю от Фелисии, – объяснила Люсия. Она улыбалась. Даже посмеивалась. Бася несколько недель не видел жену такой веселой. И знал, что это неспроста. Ей зачем-то понадобилось привести его в хорошее настроение, но, если не терять голову, ему, может, и удастся устоять против манипуляции. Впрочем, бороться не хотелось. Хотелось немножко пожить так, будто все хорошо. Потому Бася подыграл.

– Это она в тебя пошла. Я всегда был послушным мальчиком. У нас что-нибудь съедобное есть?

– Еще один корабельный паек.

– Без салата? – вздохнул Бася.

– Скоро будут и салаты, – посулила жена. – Новый урожай хорошо растет. Если не обнаружится никаких странностей, через неделю соберем много морковки.

– Когда-нибудь мы станем растить зелень на здешней почве.

– Может быть, севернее, – кивнула Люсия и, опершись на его плечо, тоже выглянула в окно. – Здесь даже местной фауне несладко приходится.

– Южнее, севернее... По мне, так «здесь» – это весь Илос.

Жена вышла на кухню. Басю вдруг потянуло к ней: проснулась ностальгия по тем временам, когда они были молоды, бездетны и всегда готовы. Он услышал, как щелкнул и зашипел пищевой контейнер, в воздухе поплыл запах саг алу⁶. Люси вернулась и поставила для каждого мисочку шириной с ладонь. – Спасибо, – сказал Бася.

Люсия кивнула и села, убрала ноги под стул. Высокая гравитация изменила ее. Мышцы рук и ног стали выпуклыми, спина, когда Люсия садилась, изгибалась под другим углом.

Илос изменял людей неожиданным образом – хотя, вероятно, этого следовало ожидать. Бася подцепил алу вилкой.

– Завтра уйду на рудник, – сказал он.

Люсия чуть подняла бровь.

– Зачем?

– Профилактические работы, – ответил он и добавил, поняв, о чем она думает: – Меня Кэрол попросила.

– Тогда хорошо.

Она имела в виду: хорошо, что Кэрол, а не Куп. Бася почувствовал укол стыда и тут же рассердился, что ему стыдно.

Он плотнее сжал губы.

– Прилетает наблюдатель, – словно невзначай сказала Люсия. – Джеймс Холден.

– Слышал. Это хорошо. Будет у нас рычаг против РЧЭ.

– Пожалуй.

Бася помнил времена, когда они смеялись вместе. Когда Люсия приносила из ганимедской больницы забавные истории о врачах и пациентах. Они ели искусственный бифштекс, нежный, как настоящая телятина, и пили сваренное на маленьком спутнике пиво. И разговаривали часами, пока не приходило время спать. Теперь все их разговоры стали осторожными, будто у слов были стеклянные кости. Поэтому Бася сменил тему.

– Так странно, – сказал он. – Мне, наверное, никогда больше не придется варить в вакууме. Столько лет обучения и работы, а теперь опять кругом атмосфера.

– Ты это мне говоришь? Знала бы я, как все обернется, согласилась бы, когда предлагали перевод на общую терапию. – Ты была лучшим хирургом на планете!

– Лучший хирург на планете чаще всего занимается кишечной непроходимостью и гинекологическими обследованиями, – сухо заметила Люсия. Взгляд ее стал далеким и жестким. – Надо поговорить о Фелисии.

Вот оно что! Нежность, покой, добрые воспоминания. Вот к чему все вело. Он сел прямо, уперся взглядом в пол.

– О чем?

– Она заговаривает о будущем. Для нее.

– Оно такое же, как для всех, – сказал Бася.

Люсия сунула в рот еще кусок картошки, медленно прожевала и без того мягкий алу. Порыв ветра ударил в окно, застучал песчинками по стеклу. Голос Люсии, когда она заговорила, был мягок, но неумолим.

– Она мечтает об университете, – сказал Люсия. – Сдала все работы и экзамены через Сеть. Для поступления ей понадобится наше согласие.

– Она слишком молода, – проговорил Бася, уже понимая, что зашел не с той стороны. Досада стиснула ему горло, и он отставил недоеденный ужин.

⁶ Саг алу – восточное блюдо, картофель под пряным соусом.

– К тому времени, как доберется, будет в самый раз, – ответила Люсия. – Если полетит с первым транспортом и сделает пересадку на «Медине», то попадет на Ганимед или Цереру через девятнадцать месяцев. Да пусть даже и через двадцать.

– Она нужна нам здесь, – твердо и решительно заявил Бася. Разговор был окончен. Впрочем, нет.

– Я не жалею, что оказалась здесь, – заявила жена. – И ты меня силой не тянул. После Ганимеда мы жили как крысы в тесной норе, верно? Я же помню, как порт за портом отказывались нас принимать. И когда распалась «Мао-Квиковски», я помогала капитану Андраде оформить бумаги на спасенное имущество. «Барбапиккола» стала нашим кораблем благодаря мне.

– Знаю.

– И когда голосовали, я тебя поддержала. Может быть, долгая жизнь беженцев придала нам отваги, не знаю... на то, чтобы сюда отправиться. Начать все заново под небом. Под новыми звездами. Для меня это было так же естественно, как для тебя, и я не жалею, что решилась.

Теперь в ее голосе звучала ярость. Темные глаза сверкали, бросали вызов. Бася его не принял.

– Я в восторге от мысли о том, что мы остаток жизни станем добывать литий и растить морковь, – продолжала Люсия. – Пусть мне никогда не придется сшивать связки и наращивать ампутированные пальцы – я не против. Потому что я сама сделала выбор. Но Яцек и Фелисия этого не выбирали.

– Я не отошлю детей обратно, – сказал Бася. – Что их там ждет? Здесь столько работы, такое поле для исследований и открытий, а там? – Он говорил громче, чем хотел, но не кричал. Почти не кричал.

– Мы решили отправиться сюда, – сказала Люсия. – А Фелисия выберет свою судьбу сама. Мы можем либо встать у нее на пути, либо помочь.

– Помочь ей вернуться – это не помощь, – сказал Бася. – Ее место здесь. Нам всем место здесь.

– А те места, откуда мы...

– Мы отсюда! Все, что было прежде, не в счет. Теперь мы здешние. С Илоса. Я скорей умру, чем позволю им притащить сюда свои войны, оружие, корпорации и научные проекты.

И черт меня возьми, если отдам им еще одного ребенка.

– Пап?

В дверях стоял Яцек. Под мышкой он держал футбольный мяч, взгляд был озабоченный.

– Сын, – кивнул ему Бася.

Кроме стонов ветра не доносилось ни звука. Бася встал, взял контейнеры – свой и Люсии. Отнести посуду в утилизатор – очень маленькая оливковая веточка, но другой у него не было. В горле горячо кипел бессильный гнев и стыд. Катоба, посадочная площадка, тревога в глазах Яцека. Годы полета – и только для того, чтобы приземлиться в кирпичном дворце, из которого их дочь рвется сбежать. Все это смешалось в удушающем гневе, горячем, как припой.

– Все в порядке? – спросил Яцек.

– Мы с мамой просто разговаривали.

– Мы – не здешние, – сказала Люсия так, словно Яцека здесь не было. – Мы притворяемся здешними, но пока это не правда.

– Будет правдой, – сказал Бася.

Глава 6. Элви

Элви сидела на лугу над поселком и тихо наблюдала. Здешние аналоги растений – назвать их настоящими растениями она не могла – поднимались над сухой коричневатой почвой, тянулись к солнцу. Самое высокое – не больше полуметра, с плоской неровной верхушкой – поворачивалось вслед за светилом, поблескивая зеленоватым отливом жучиных крылышек. Мягкий ветерок раскачивал стебли и холодил щеку. Элви не двигалась. В четырех метрах от нее ворковала ящерица-пересмешник.

На этот раз ответ прозвучал ближе. Элви захотелось подскочить от восторга, но она сдержалась. Захотелось радостно замахать руками, захихикать. Она сидела неподвижно, как каменная. Добыча пересмешника заковыляла к ней. Не крупнее воробья, с мягкой оборочкой то ли перьев, то ли густой шерсти на боках. Шесть длинных неловких ног, оканчивающихся двойными крючками. Можно было бы назвать их пальцами, но Элви не видела, чтобы зверек манипулировал этими отростками. Малютка снова заворковала – тихий гортанный клекот, нечто среднее между голосом горлицы и тамбурином. Пересмешник помедлил, следя за зверьком широко расставленными глазами. Элви видела, как еле заметно дрожит чешуйчатая кожа на боках.

Вдруг ящерица со стремительностью выстрела распахнула пасть, выбросив наружу влажную розовую плоть. Зверек и пискнуть не успел, как вывернутое наизнанку брюхо ящерицы сбило его наземь. Элви от восторга стиснула кулаки, наблюдая, как хищник волочит по земле свои внутренние органы. Добыча, мертвая или парализованная, прилипла к ним. Земля и мелкие камушки тоже прилипли. Наконец все это подтянулось к непомерно широкой пасти пересмешника и стало медленно втягиваться внутрь. По прежним наблюдениям Элви знала, что пройдет не меньше часа, пока запавшие бока ящерицы снова наполнятся. Поднявшись, женщина отряхнула пыль и прохромала несколько шагов.

Нога у нее после той ужасной ночи была в лубке. Боль в месте перелома стала тупой, ноющей и скорее раздражала, чем мешала, но двигалась Элви с трудом. Открыв сумку – черная ткань зашуршала под пальцами, – Элви бережно опустила внутрь кормящуюся ящерицу. Там метнула на человека недоверчивый взгляд. Недоверие было заслуженным.

– Прости, малыш, – сказала Элви, – это во имя науки.

Защелкнув сумку, она запустила обработку образца. Ящерица погибла мгновенно, начался процесс описания. Сумка каталогизировала необычные внутренние органы, протыкала маленькое тельце тонкими, как волос, иглами, собирая образцы тканей, и передавала сведения сложной системе в застежке сумки. К тому времени, как Элви вернется в тесный барак и достанет тушки, чтобы переложить в коллекционный ящик и внести в каталог, в ее компьютере уже окажутся модели охотника и жертвы: терабайты информации, готовые к передаче на «Эдвард Израэль» и далее по лунным лабораториям. Сигнал за несколько часов пролетит расстояние, на которое у людей ушло полтора года, – но на эти несколько часов Элви и ее сотрудники будут единственными среди рассеянных по планетам миллиардов людей, кому известны секреты маленькой твари. Предложи ей бог взамен Александрийскую библиотеку, Элви бы отказалась.

С пологого склона над домом ей открылся шахтерский поселок. Крошечная кучка барачков: две параллельные улицы и между ними пустое пространство, заменявшее городскую площадь. Строения были собраны из готовых блоков и материалов, найденных на планете. Все казалось чуть перекошенным, словно его не поставили, а бросили как придется. Элви привыкла к архитектуре прямых углов, возникшей в местах, где пространство считалось наиболее дорогой роскошью. Здесь все было иначе, и городок казался живым, словно он сам вырос на поверхности планеты.

Фаиз сидел у нее на крылечке. За недели, прошедшие после крушения, он успел загореть. Предварительная разведка гидросистемы заняла у его команды две недели – все под открытым небом.

– Знаешь, чем мне нравится эта планета? – сказал он вместо «Здравствуй».

– Ничем?

Он скривился с наигранной обидой.

– Мне нравится период вращения. Тридцать часов. Можно отработать полный день, от души надраться в салуне – и все равно хорошо выспаться. Не понимаю, почему дома до такого не додумались.

– Да, есть и преимущества. – Элви отперла дверь и вошла.

– Конечно, это означает, что за месяц мы провели здесь почти шесть недель, – продолжал Фаиз, – а все же слава богу, что Новая Терра – не волчок, где каждые шесть часов – закат.

Вот если бы они еще наладили гравитацию...

Внутри была единственная комната шесть на четыре с кроватью, душем, туалетом, кухней и рабочим местом в одном помещении. Поставив сумку на архиватор, Элви вдруг задумалась, сколь о многом говорит устройство вещей. Едва увидев выпуклые, устремленные вперед глаза пересмешника, она предположила, что это хищник. Взглянув на ее домик, каждый предположил бы, что главное для его обительницы – жизненное пространство. Все сущее – производное от функций. Элви посмотрелась в висящее над раковиной зеркальце. Кожа бежевая от пыли, похожей на сценический грим.

– Не хочу я туда идти, – сказала она, вытирая щеки влажной салфеткой.

– Надо видеть и светлую сторону, – отозвался Фаиз. – Они пока что всего один раз попытались нас убить.

– Помощи с тебя!

– Я тебе не губернатор. – Фаиз поморщился, вспомнив погибшего.

Они кремировали губернатора Трайнинга вместе с другими жертвами крушения. Если не считать одного из первопоселенцев, прилетевшего на планету с неизлечимым раком костей, это были первые мертвецы нового мира. И наверняка – первые жертвы.

Впрочем, с тех пор поселковые вели себя исключительно по-доброму. Люсия Мертон – та женщина-врач, которая помогала раненым после катастрофы, – следила за состоянием каждого выжившего. Джордан – астер с Цереры – принес Элви угощение, приготовленное его женой для раненых. Священник пригласил ее на службу в местный храм. Судя по всему, обитатели Новой Терры были добрыми, мягкими, искренними людьми. Только вот кто-то из них убил губернатора и еще дюжину человек.

* * *

Лагерь РЧЭ стоял южнее поселка.

Меньше половины служащих компании, если считать с Элви и Фаизом, выбрались на собрание поселенцев. Прочие были слишком заняты работой или еще не оправились от ран. Элви, если бы не считала своим долгом просвещать всех и каждого насчет важности охраны среды, тоже, скорее всего, осталась бы дома.

Большая часть сотрудников РЧЭ были учеными, привычными к работе в поле. Все они, и Элви тоже, носили удобную рабочую одежду. В форме ходили только охранники. Заместитель Мартри, Хобарт Рив, командовал тремя вооруженными сотрудниками службы безопасности. В униформе РЧЭ эти четверо напоминали солдат или полицейских. Их не было на грузовом челноке, они явились почти сразу за ним, на легком. Когда из РЧЭ пришло распоряжение никого больше не высаживать на планету до прибытия наблюдателя ООН, Рив уже расследовал, как он выразался, «инцидент».

Зал собраний выходил окнами на площадь, на голую землю и камни. Напротив стоял храм. Здания казались близнецами, разве что под карнизом храма располагалась коллекция репродукций на религиозные темы.

Стулья смастерили из кожухов оборудования, выставив их подушками старых амортизаторов. Если бы поселок стоял в более плодородном поясе планеты, для этой цели нашлось бы дерево, вернее, его местный аналог. Но здесь литий залегал ближе всего к поверхности, а он означал для общины деньги. И вот, как микроорганизмы стекаются к области концентрации пищи, так все человечество планеты собралось на этих двадцати квадратных километрах.

Элви устроилась сзади вместе с другими сотрудниками РЧЭ. Только Рив и его помощник сели в первых рядах, вместе с поселковыми. Она наблюдала за этой негласной сегрегацией. Никто нарочно не старался, просто так получалось. Атмосферный физик Микаэла улыбнулась и села рядом с Элви. Аннеке с Тором – оба геомеханики – заняли места с другой стороны. Фаиз сидел в амортизаторе за ее спиной, переговариваясь с Садьям, прилетевшей первым челноком после инцидента. Инцидент... Нападение. Аннеке наклонилась, шепнула что-то Тору. Тот вспыхнул и слишком усердно закивал. Элви старалась не замечать сексуальных игр парочки.

Мэр Первой Посадки, коренастая марсианка с протяжным выговором и короткой стрижкой, звалась Кэрол Чивеве. Впрочем, местные говорили не «мэр», а «координатор». Она призывала собравшихся к порядку, и Элви ощутила, как часто забилося ее сердце.

Астеры следовали своей повестке дня, начав с вопросов, которые были важнее для них, нежели для Элви и РЧЭ: с профилактики водоочистительной системы, с того, принимать ли кредитные условия одного из банков АВП или подождать, пока придет по назначению первый груз лития, а затем еще поторговаться. Все обсуждалось спокойно и обдуманно. Если где-то таился гнев, страх, ненависть, то слишком глубоко, на поверхность ничего не проступало.

Дали слово Риву, и тот ловко вышел на середину. Губы его сложились в слабую, натянутую улыбку.

– Благодарю, мадам координатор, что позволили нам выступить, – заговорил он. – Мы получили подтверждение, что к нам направляется независимый наблюдатель с комиссией от ООН, Марсианского конгресса и АВП, эти люди должны будут способствовать дальнейшему развитию колонии. Мы надеемся до их прилета решить проблемы безопасности.

– «Надеемся вздернуть мерзавцев до того, как прибывшие нам запретят», – тихо перевел Фаиз. Его шепот услышала только Элви.

– Мы точно установили состав взрывчатых веществ, использованных для атаки, и разыскиваем виновных.

– «Мы понятия не имеем, кто это сделал, и не скоро узнаем, потому что вы, разгильдяи, хранили взрывчатку в открытом доступе».

– Не мне объяснять вам, насколько серьезна ситуация, однако РЧЭ сделает все для успеха колонии – как наших сотрудников, так и вашего сообщества. Это наше общее дело, и мои двери всегда открыты для каждого, у кого появятся вопросы или соображения. Я надеюсь и в дальнейшем встречать ту же доброту и готовность помочь, которые мы видели с вашей стороны до сих пор.

– «Поскольку мы ничего не узнали, будем очень благодарны, если нам просто расскажут, кто подложил взрывчатку. И пожалуйста, не пытайтесь зарезать нас во сне, спасибо за внимание».

Садьям закашлялась, скрывая смешок, и Фаиз сверкнул улыбкой в ее сторону. Рив поклонился и вернулся на место. Координатор, поднявшись, взгляделась в задние ряды. Элви вдруг страшно захотелось писать.

– Доктор Окойе? – обратилась к ней координатор. – Вы хотели что-то сказать?

Элви кивнула и встала. До первого ряда было около десяти метров, а ее нервы вопили при каждом шаге. Ее вдруг поразил жар человеческих тел, запах пота и пыли. Язык пересох, но

Элви улыбнулась. Около двухсот человек устремили на нее взгляды. Сердце стучало так, что почудилось: в комнате не хватает воздуха. Она вспомнила чей-то совет: найди среди слушателей дружелюбное лицо и обращайся только к нему. Слева в четвертом ряду сидела, сложив руки на коленях, Люсия Мертон. Элви ей улыбнулась, и женщина ответила на улыбку.

– Я просто хотела немного поговорить о том, – начала Элви, – как мы можем сократить перекрестное загрязнение среды, при том что мы лишились купола. Жесткого купола периметра.

Люсия серьезно смотрела на нее. Элви покосилась на остальных и тут же пожалела об этом.

– Договор... э... договор РЧЭ с ООН предусматривает полное обследование планеты. Это вторая из известных нам биосфер, и мы так мало о ней знаем, что чем лучше мы сохраним ее чистоту, тем глубже и полнее сумеем понять. В идеале следовало бы организовать здесь, на поверхности, полностью замкнутый цикл. Как на корабле. Шлюзы, помещения для стерилизации и...

Она зачастила. Улыбнулась, надеясь увидеть ответную улыбку. Не дождалась и сглотнула.

– Мы с каждым вдохом втягиваем в себя неизвестные микроорганизмы. И хотя у нас совершенно разные протеомы⁷, в сущности, мы большие пузыри с водой и минеральными примесями. Рано или поздно один из местных организмов найдет способ нас эксплуатировать. В обратную сторону это тоже работает. При каждой дефекации мы выделяем в окружающую среду миллиарды бактерий.

– Что же, нам теперь и посрать нельзя? – спросил мужской голос.

Лицо и шею Элви обдало жаром. Даже лицо Люсии стало холодным и отдаленным. Взгляд ее смотрел в пустоту.

– Я просто хочу сказать, что по всем правилам нам следовало бы избегать контакта со средой: не ходить в развалины, не выращивать ничего в грунте под открытым небом, потому что...

– Потому что мы, по-вашему, все делаем не так, – перебил человек, сидевший рядом с Люсией. Крупный мужчина с припудренными сединами висками, отросшей щетиной и вечно сердитым лицом. – Только это не вам решать.

– Я понимаю, что мы имеем дело со сложной ситуацией. – От отчаяния у Элви перехватило голос. – Но мы уже живем в этой огромной чашке Петри, и я составила список маленьких жертв, на который каждый мог бы пойти ради науки...

Сосед Люсии вспыхнул и подался вперед, уперев кулаки в бедра. Он следил за ней острым взглядом хищника.

– Я уже приносил жертвы науке. – В низком голосе прозвучала угроза. Люсия придержала его за руку, но остальные слушатели явно разделяли враждебность говорящего. По залу прошел шорох, гул тихих разговоров. «Наверное, и тот, кто убил Трайинга, сейчас здесь, – подумалось Элви, и следующей мыслью было: – Какого черта я здесь делаю?»

Кэрол Чивеве встала, болезненно морщась. Она чувствовала неловкость за Элви.

– Может быть, доктор Окойе, мы вернемся к этому разговору в другой раз? – предложила она. – Уже поздно, люди устали.

– Да, – пробормотала Элви, – да, конечно.

Сгорая от стыда, она пробралась к своему месту, но не села, а пошла дальше, на улицу и, одна в сгущающейся темноте, к своему домику. Под ногами скрипели мелкие камушки и сухая земля. В прохладном воздухе пахло дождем. Она не прошла и полпути под тусклыми звездами, когда ее остановил голос:

– Я хочу извиниться за отца.

⁷ Протеома – белковый состав клетки или организма.

Элви обернулась. Девушку было почти не видно: черное пятно на черном фоне. Чуть более плотная тень. Элви поймала себя на том, что обрадовалась, услышав женский, а не мужской голос.

– Все нормально, – сказала она. – Наверное, я не слишком удачно выступила.

– Нет, это из-за него. – Девочка шагнула ближе. – Ему все не так. Когда мой брат погиб, папа стал совсем другим человеком.

– О... – Помолчав, Элви добавила: – Мне очень жаль.

Девушка кивнула, пошуршала чем-то, и в ее ладони расцвел бледно-зеленый огонек, не ярче свечи. Осветилось лицо. Она была хорошенькой, как все молодые, но с возрастом обещала стать такой же красивой, как мать.

– Ты дочка доктора Мертон? – спросила Элви.

– Фелисия, – представилась девочка.

– Рада познакомиться, Фелисия.

– Я могла бы проводить вас домой. У вас ведь нет света?

– Нет, – признала Элви. – Надо было захватить фонарь.

– Все что-нибудь забывают, – сказала девочка и резко двинулась с места.

Чтобы ее догнать, Элви пришлось пробежаться. Десяток метров прошли молча. Элви чувствовала, что спутница собирается с духом. Готовит признание или угрозу. Что-то опасное. Элви надеялась, что это просто паранойя, но не сомневалась, что угадала верно.

Наконец глухим от тоски и тревоги голосом девочка выговорила слова, которых Элви никак не ожидала:

– Каково это, учиться в настоящем университете?

Глава 7. Холден

«Сейчас бы в самый раз фанфары», – подумал Холден.

Проход сквозь кольцо в другую звездную систему должен выглядеть театрально. Трубы или вой сирены, напряженные лица, обращенные к экранам. А тут – ничего. Никак не скажешь, что «Росинант» рванул через пространство на пятьдесят тысяч световых лет. Просто жуткая чернота ступицы сменяется незнакомыми звездами новой солнечной системы. От того, что все было так буднично, странное чувство усилилось. Ворота-червоточина должны бы выглядеть массивным смерчем света и энергии, а не просто блестящим металлическим колечком с незнакомыми звездами по ту сторону.

Холден поборол желание включить общую тревогу для придания драматичности моменту.

Новая звезда висела желтовато-белой точкой, не слишком отличающейся от Солнца, каким оно видится от «Станции колец» или с орбиты Урана. При нем имелось пять каменных планет, один тяжелый газовый гигант и сколько-то планет-карликов, расположенных еще дальше от центра, чем кольцо. Четвертая из внутренних, обосновавшаяся прямо посреди обитаемой зоны⁸, и была Илосом. Новой Террой... Четвертой Разведкой «Беринга»... Номером 24771912-F23 по лицензии РЧЭ. Как хотите, так и зовите.

Любое название казалось слишком простым, чтобы выразить суть. Это был первый дом человечества у чужой звезды. Люди умудрялись сделать будничными потрясающие последние события. Еще несколько лет на исследование и колонизацию остальных планет – и ступица с кольцами начнут восприниматься просто как дорожная система. Их перестанут замечать.

– Ух ты! – проговорила Наоми, круглыми глазами уставившись на звезду Илоса. Холден с благодарностью кивнул ей.

– Я как раз о том же думал, – сказал он. – Рад, что не я один.

Он включил связь с пилотом.

– Йо! – отозвался Алекс.

– Как быстро ты нас туда доставишь?

– Если потерпите неудобства, довольно скоро.

– Давай любую перегрузку, лишь бы скорей почувствовать землю под ногами, – усмехнулся Холден.

– На высокой тяге через семьдесят три дня будем на месте.

– Семьдесят три... – повторил Холден.

– Ну, семьдесят два и восемь десятых суток.

– Космос... – ухмылка Холдена сменилась вздохом, – чертовски велик!

* * *

На пятом часу ускорения начали поступать сообщения. Холден попросил Алекса перевести корабль на треть g, чтобы спокойно поужинать, и прокрутил первую запись в камбузе, где помогал Амосу готовить пасту.

Пожилой смуглый и седой мужчина взглянул на него с экрана. У него было тонкое лицо и крупный череп астера.

В акценте звучал намек на Цереру.

⁸ *Обитаемая зона* – в астрономии зона с пригодными для жизни земного типа условиями.

«Капитан Холден, – заговорил он с первой секунды записи. – Фред Джонсон уведомил нас о вашем прибытии, и я хочу поблагодарить вас за помощь. Меня зовут Казим Андрада, я капитан независимого корабля “Барбапиккола”. Позвольте объяснить вам положение дел на данный момент».

– Вот так нормально, – бурчал Амос, откидывая дымящиеся спагетти на дуршлаг. Холден подал ему миску красного соуса, который до того помешивал, и прислонился к кухонному столу, чтобы досмотреть запись.

«Четыре месяца назад колония наконец наладила работу рудника. За прошедшее время мы добыли несколько сот тонн сырой руды. По нашей оценке, это должно дать после очистки не меньше дюжины тонн лития. Достаточно, чтобы закупить оборудование, медикаменты, почву и семена – все, в чем нуждается колония для настоящего самообеспечения».

Наоми вошла в камбуз, торопливо печатая на своем терминале.

– Вкусно пахнет, я... – она замолчала, заметив видео, и тоже села смотреть.

«“Эдвард Израэль”, – продолжал капитан Андрада, – заявил, что не позволит нам покинуть орбиту до окончания разбирательства. “Роял-Чартер” считает, что, пока кто-то не рассудит иначе, этот литий принадлежит им. Вам прежде всего следует снять блокаду, чтобы мы могли доставить руду на обогатительный завод Паллады, где уже выстроились в очередь покупатели».

– Ого, – заметил Амос, грохнув на стол большие миски с пастой и соусом. – Вот чем мы должны заниматься?

Холден включил обратную перемотку.

– Звучит в приказном тоне, а?

– Он из АВП, – сказала Наоми, – и думает, что ты здесь – рука Фреда Джонсона.

– У меня от этого типа несварение желудка, – проворчал Холден, выключая запись. – Остальную кучу разгребу после еды.

Назавтра его ждали еще пять записей. Капитан «Эдварда Израэля» – Марвик, пожилой землянин с пламенно-рыжими волосами и британским выговором, – потребовал, чтобы Холден поддержал РЧЭ, деактивировав двигатели «Барбапикколы» в случае, если грузовик попытается покинуть систему. Фред прислал наилучшие пожелания и напомнил, что Авасарала грозит пренеприятнейшими последствиями, если миссия сорвется. Различные новостные агентства просили об интервью – среди прочих Моника Стюарт обратилась с личной просьбой о встрече в живом эфире после возвращения.

Миллер смотрел записи через плечо Холдена, пока в комнату не вошла Наоми – тогда детектив рассыпался голубыми искорками.

– По-моему, Монике ты нравишься, – подмигнула Наоми и шлепнулась на двойной амортизатор, который пара использовала вместо кровати. – Алекс через десять минут даст полную тягу. Желаю умереть.

– Моника ради интервью и с ящером будет флиртовать. Алексу скажи, чтобы погодил еще полчаса, я собираюсь ответить, а ты подожди, пока я схожу за пистолетом.

Наоми со стоном привстала.

– Принесу кофе, пока ты заряжаешь.

– Не уходи. – Холден выставил руку, удерживая Наоми. – Не хочу записывать ответы с Миллером за спиной.

– Он же только у тебя в голове, – напомнила она и все-таки села. – На записи он не отражается.

– Ты вправду думаешь, что мне от этого легче?

Наоми переползла на другую сторону кровати, свернулась рядом, пристроив голову ему на грудь. Холден дернул ее за прядь волос и успокоенно вздохнул.

– Я предпочитаю долгие перелеты без этих сумасшедших перегрузок, – сказала она. – Делать нечего, валяйся весь день в постели, читай или слушай музыку. Слава утомляет.

– Однако она же принесла нам богатство.

– А могли бы продать корабль и наняться снова в «ЧистоПрозрачно». Таскать лед с Сатурна...

Холден молчал, играя ее волосами. Она шутила. Оба знали, что к прежнему вернуться нельзя. Ему уже не быть старпомом, а ей – старшим механиком на барже, до которой никому во всей вселенной нет дела, если только та не запоздает с доставкой льда. Безвестные люди, незаметная жизнь... Только кому теперь нужна «Чисто-Прозрачно», когда воды и воздуха полно в тысяче новых миров?

– Ты там без меня обойдешься? – спросила Наоми.

Колонисты с Ганимеда, прежде чем высадиться на Илос, месяцами жили на «Барбапик-коле». Нагружали кости и мускулы гормонами, тренировались на полной g, чтобы приспособить астерские тела к гравитации, превосходящей земную. У Наоми не было ни времени, ни желания радикально перестраивать свою физиологию ради одного задания. Холден доказывал, что зато потом она могла бы вернуться с ним на Землю. Она возражала, что на Землю все равно не собирается ни в коем случае. На этом они и остановились, но размолвка еще саднила.

– Не обойдусь, – ответил он, решив не возвращаться к спору, – но придется.

– Амос за тобой присмотрит.

– Потрясающе! – кивнул Холден. – Меня забрасывают в самую горячую точку *двух* систем, а вместо самой умной головы на свете под рукой будет верзила, всегда готовый ввязаться в пьяную драку.

– Может, и он пригодится, – сказала Наоми, обводя пальцем нажатые Холденом за последние пару лет шрамы. Задержала руку на животе, где темнело пятно. – Таблетки от рака принимаешь?

– Каждый день. – «И буду до конца жизни» подразумевалось без слов.

– Когда высадишься, обратись к их врачу.

– Хорошо.

– Они тебя используют, – сказала Наоми так, словно разговор шел об этом с самого начала.

– Понимаю.

– Они знают, что ничего хорошего ждать не приходится. Любое решение оставит кого-то недовольным и обиженным. Потому и послали тебя. Самый подходящий козел отпущения. Тебя наняли как человека, который ничего не станет скрывать, но именно потому на тебя проще всего будет свалить неизбежный провал переговоров.

– Если бы я считал провал неизбежным, не взялся бы за эту работу, – возразил Холден. – И почему наняли меня, мне известно. Уж точно не за высокую квалификацию. Но я и не такой идиот, как им кажется. Думаю, я успел выучить несколько новых трюков.

Наоми дотянулась и выдернула у него волосок с виска. Холден и охнуть не успел – волосок оказался у него перед носом.

Седой, как зола.

– Старый ты пес⁹, – сказала Наоми.

* * *

Перелет к Илосу изматывал не только долгими периодами на высокой тяге. Каждый раз, когда «Росинант» переходил на терпимое ускорение, чтобы команда могла поесть и заняться

⁹ Английская пословица гласит: старого пса новым трюкам не научишь.

профилактикой, Холден обнаруживал десятки сообщений, на которые надо было отвечать. Капитан «Эдварда Израэля» все настойчивей требовал, чтобы Холден пригрозил капитану «Барбапикколы». Колонисты и астеры на орбите все настойчивей требовали освобождения своего корабля. Каждая из сторон винила другую в эскалации конфликта, хотя, на взгляд Холдена, тот факт, что до сих пор только колонисты прибегли к кровопролитию, говорил не в их пользу.

Однако их аргумент – что только продажа лития обеспечит жизнеспособность колонии, а блокада грозит им голодной смертью – выглядел веским. РЧЭ же продолжала настаивать, что, согласно лицензии ООН, права на разработку и на груз лития принадлежат им.

– Нас ждут тысячи неразведанных миров, а мы по-прежнему деремся за ресурсы, – произнес Холден, ни к кому не обращаясь, когда досмотрел особенно длинное и гневное сообщение от юриста с «Израэля».

Алекс, сидевший рядом, за рабочей панелью, отозвался:

– Ну, литий, по-моему, вроде недвижимого имущества – никто не желает уступать его другим.

– Ты слышал, что я сказал про новые миры?

– Может, на них обнаружат литий, а может, и нет. А здесь он точно есть. Когда-то люди считали, что за золото стоит драться, а ведь этого дерьма каждая сверхновая выбрасывает столько, что его полно при любой звезде класса G2. Лития звезды сжигают столько же, сколько производят. Все доступные руды образовались при Большом взрыве, и новых не будет. Так что это редкость, друг мой.

Холден вздохнул и направил сопло вентилятора себе в лицо. От холодного ветерка по голове пошли мурашки. На корабле отнюдь не было жарко – Холден потел от напряжения.

– Мы паразитально близоруки.

– Только мы с тобой? – с преувеличенным акцентом протянул Алекс, подчеркивая, что шутит.

– Нам открылись необозримые горизонты. Нам выпал шанс построить новое общество, за каждыми воротами нас ждут несказанные богатства. Но в первом же мире нам попался клад – и вот, вместо того чтобы разумно поделить проклятую галактику, мы передрались из-за сушей ерунды.

Алекс молча покивал.

– Скорее бы оказаться на месте, – продолжал Холден через минуту. – Боюсь, пока мы доберемся, все сцепятся так, что уже не распутаешь.

– Ха! – Алекс рассмеялся. – А ты надеешься распутать?

– Думаю, что сумею. Если кому понадобится, я в машинном.

– Один час до тяги, – сказал ему в спину Алекс.

Холден пнул замок палубного люка, и крышка зашипела, открываясь. Мимо жилой палубы он по трапу спустился в мастерскую, где Амос на верстаке разбирал какую-то сложную на вид машинку. Кивнув механику, Холден через последний люк нырнул в реакторный зал. На вопросительный взгляд Амоса он только помотал головой, и тот, пожав плечами, вернулся к работе.

Как только люк над головой закрылся, помещение озарилось голубым светом. Съехав по трапу на палубу, Холден привалился к стене.

– Привет.

Миллер вышел из-за реактора, занимавшего центр зала, – словно стоял там, дожидаясь Холдена.

– Надо поговорить, – подхватил Холден.

– Это по моей части, – улыбнулся сыщик своей грустной улыбкой бассета.

– Ты добился, чего хотел. Мы прошли через кольцо в новую систему. Как я понимаю, ты вместе со мной доберешься до планеты и станешь осматриваться.

Миллер кивнул, но не ответил.

«Как много из того, что я скажу, ему уже известно? Насколько предсказуема составленная ими модель моего мозга?» Холден решил, что гадать на эту тему – прямая дорожка к сумасшествию.

– Мне нужны ответы на два вопроса, – продолжал он, – в противном случае твоя поездка прямо вот здесь и кончится.

– О'кей. – Миллер вскинул раскрытые ладони – по астерски это было все равно, что пожать плечами.

– Вопрос номер один: как ты меня находишь? Впервые ты показался на корабле после Ганимеда и с тех пор преследуешь, куда бы я ни перебрался. Я заразился? Ты сидишь во мне как вирус? Я дважды проскочил через врата, а тебя не скинул, значит, либо ты у меня в голове, либо ты – явление галактического масштаба. Какой вариант из двух?

– Ага... – Миллер снял шляпу и взъерошил ладонью короткие волосы. – Ни то ни другое. Насчет первого – я здесь живу. Во время Ганимедского инцидента – кстати сказать, дурацкое название – протомолекула всадила в этот корабль локальный узел.

– Постой! Протомолекула прицепилась к «Роси»? – Холден сдержал приступ паники. Если бы Миллер желал ему зла и имел средства его причинить, это случилось бы давным-давно.

– Ага. – Миллер небрежно дернул плечом. – У вас был гость, припоминаешь?

– Ты о том чудовище, – сообразил Холден, – которое чуть не прикончило нас с Амосом? Мы еще потом сожгли его хвостовым выхлопом.

– Угу, как раз о нем. Честно говоря, его программа не отличалась связностью. Но от старых инструкций сохранилось достаточно, чтобы он подложил кое-что в корабль. Немного – и не то, что можно назвать живой культурой. Только-только хватило для поддержания связи между процессором «Станции колец» и твоим кораблем.

– Вы заразили «Роси»? – со страхом и яростью переспросил Холден.

– Я бы подобрал другой глагол, но пусть будет по-твоему. И это-то и позволяет мне следовать за тобой, – ответил Миллер и нахмурился. – А второй вопрос о чем?

– Я не уверен, что разобрался с первым, – сказал Холден.

– Тебе ничего не грозит, ты нам нужен.

– А когда стану не нужен?

– Тогда уже никто не будет в безопасности, – сверкнул жуткой синевой глаз Миллер. – Так что брось об этом думать. Второй вопрос?

Холден опустил на палубу. До сих пор он не решался спросить, как Миллер пробрался к нему в голову, – боялся услышать, что заражен. Узнав, что зараза не в нем, а в его корабле, он перевел дыхание – и тут же испугался снова.

– Что нас ждет на Илосе? Чего ты ищешь?

– Как всегда – преступника, – ответил Миллер. – Как-никак, кто-то уничтожил цивилизацию, которая все это построила.

– А как мы узнаем, что его нашли?

– О... – Сыщик больше не улыбался. Он наклонился к Холдену, запах ацетона и меди ударил тому в нос – или только в рецепторы. – Мы узнаем.

Глава 8. Элви

Пыльные бури поднимались обычно к вечеру и прекращались вскоре после заката. Началось с того, что западный горизонт размывался. Затем мелкие растения – вернее, аналоги – за ее домиком на плато сворачивали фотосинтетические плоскости в тугие пучки вроде маленьких зеленых устьиц со вкусом лимона, а еще через двадцать минут поселок, руины и небо скрывались под волной сухого песка.

Элви сидела за столом, Фелисия – в ногах кровати, а Фаиз стоял, прислонившись к спинке в изголовье.

Фелисия стала заходить в гости регулярно, но разговаривала чаще не с Элви и не с Фаизом, а с Садьям. Элви нравилось, что девочка рядом. От ее присутствия раскол между поселковыми и работниками корпорации казался... не то чтобы не существующим, но не таким ужасным и непреодолимым.

Однако сегодня было по-другому. Фелисия дергалась сильнее обычного. Может, из-за приближения корабля с посредником. А может, из-за погоды.

– Итак, в нашей Солнечной системе только одно древо жизни, – говорила Элви, поясняя лекцию движениями рук. – Жизнь возникла однажды, и все известные нам виды имеют общего предка. Почему это так, мы не знаем.

– Почему общего? – спросила Фелисия.

– Почему однажды? – поправила Элви. – Только один тип кристалла Шредингера¹⁰. Один генетический код. Почему?

Если присутствовали все материалы для построения аминокислот, если они могли свободно формироваться, соединяться, взаимодействовать, почему не получилось так, что в одной заводи сложилась одна схема, в другой иная, и еще, и еще?

Почему жизнь возникла всего один раз?

– И как это объяснить? – спросила Фелисия.

Элви дала рукам отдых. Особенно сильный порыв ветра швырнул горсть крупного песка в стену домика.

– Что объяснить?

– Почему это произошло только однажды?

– А-а... Не знаю. Тайна.

– По той же причине, почему остался только один вид применяющих орудия гоминид, – вмешался Фаиз. – Остальные, сколько бы их ни было, не выдержали конкуренции.

– Это предположение, – уточнила Элви. – Палеонтологические данные не дают оснований полагать, что на Земле существовало более одного истока жизни. Не стоит придумывать объяснения только потому, что они тебе нравятся.

– Элви в тайнах – как рыба в воде, – подмигнул Фелисии Фаиз. – Потому-то ей так трудно с нами, не желающими смириться со своим невежеством.

– Ну, всего знать невозможно, – отозвалась Элви, скрывая неловкость за шуткой.

– Видит бог, невозможно, особенно на этой планете, – согласился Фаиз. – Геологам здесь нечего делать.

– А по-моему, вы благоденствуете, – сказала Элви.

– Я – да. Мне здесь прекрасно. Беда в планете. У нее нет геологии – она вся искусственная.

– Как это? – удивилась Фелисия.

Фаиз раскинул руки, словно представлял ей целый мир.

¹⁰ Имеется в виду взгляд Шредингера на хромосому как на гигантский «апериодический кристалл».

– Геология исследует естественные закономерности. А здесь нет ничего естественного. Вся планета слеплена вручную. Вот литий, который добывают ваши люди, – никакой естественный процесс не даст руду подобной чистоты. Так не бывает. Приходится допустить, что создатели врат заодно устроили здесь что-то, что концентрировало литий в одном месте.

– И это поразительно, – добавила Элви.

– С точки зрения промышленности – но она меня не интересует. А южные равнины? Думаете, между ними есть разница? Никакой. Подстилающие плиты гладкие, как зеркало. Где-то километрах в пятидесяти к югу от нас имеется какая-то тектоническая «машина Замбони»¹¹, и я понятия не имею, как она работает. А комплекс туннелей? Это же остатки планетарной транспортной системы. А я тут...

– Мне нужно рекомендательное письмо, – выпалила Фелисия и, покраснев, уставилась себе в колени. Элви переглянулась с Фаизом. Ветер завывал и бормотал за стенами.

– Для чего? – мягко спросила Элви.

– Я подаю заявление в университет, – сказала девочка. Она зачастила, как будто слова вылетали из нее под напором, но потом замедлилась и, наконец, вовсе сбилась. – Мама думает, меня примут. Я говорила с Институтом Адриана на Луне, и мама устроила, чтобы я могла вернуться на Палладу с «Барбапикколой», когда повезут руду, а оттуда дальше – сама, но к заявлению должно прилагаться рекомендательное письмо, а я никого из поселка попросить не могу, потому что они расскажут папе, и...

– О, – сказала Элви. – Ну, я не знаю. То есть я ведь не видела твоих учебных работ...

– Серьезно? – фыркнул Фаиз. – Элви, что такое рекомендательное письмо? Ты же не под присягой даешь показания. Помогии девочке.

– Да я просто думала, что лучше, если бы я могла написать о том, что действительно знаю.

– Я, когда поступал в нижний университет, сам себе написал рекомендательные письма. Два, от лица выдуманных людей. Никто не стал проверять.

У Элви чутьочку отвисла челюсть.

– Правда?

– Ты потрясающая женщина, Элви, но я не представляю, как ты выживешь в трудной ситуации. – Фаиз обернулся к Фелисии. – Если она не согласна, я напишу. Получишь письмо к утру, договорились?

– Не знаю, как сумею вас отблагодарить, – пробормотала Фелисия, заметно успокоившись.

Фаиз отмахнулся:

– Хватит и чистосердечного «спасибо». Что ты решила изучать?

Еще час Фелисия рассказывала о медицинских работах матери, об иммунных нарушениях у брата и о регуляции межклеточного сигнала. Элви начала понимать, что девочка старше, чем ей представлялось. У нее были длинные, чуть разболтанные конечности и сравнительно большая голова астера, так что подсознание Элви истолковало эти признаки как детские. Ошибочно. Фелисия вполне впишется в компанию нижнего университета. Свет за окнами стал бежевым, потом бурым, перешел в оттенок жженой умбры и сменился темнотой. Ветер улегся. Когда Элви отворила дверь, дорожку покрывало два сантиметра тонкой пыли, а в небе мерцали звезды. Пахло свежевскопанной землей. «Какие-то аналоги актиномицетов¹²», – подумалось Элви. Может быть, они действительно переносятся ветром. Или как-то иначе. Каким-нибудь более удивительным образом.

¹¹ *Машина Замбони* – специальный комбайн, служащий для заливки льда на катке, изобретен американцем Фрэнком Замбони (1901–1988), чья фамилия стала торговой маркой.

¹² Актиномицеты – группа организмов, объединяющих в себе черты бактерий и грибов.

Фелисия ушла в поселок, а Фаиз – в свой домик. Насколько могла судить Элви, он был единственным или одним из очень немногих, кто еще спал в одиночку. Садьям с Торлерсоном образовали пару последними. Лаберд с Маравалис недавно прервали связь, начавшуюся в общем маршруте, но оба уже нашли себе новых партнеров.

Секс в научных группах – странная штука. Вроде бы он считается непрофессиональным поведением, а с другой стороны, особенно в таких вот многолетних полевых экспедициях, потенциальные партнеры немногочисленны, зато все высокого класса. Люди – всюду люди. Если Элви и завидовала, то не кому-то из конкретных счастливиц, а самой близости. Хорошо бы рядом был кто-то, с кем можно поболтать в темноте после бури. Чтобы не одной просыпаться по утрам. Она задумалась, каковы сексуальные отношения в семьях Первой Посадки. Догадается РЧЭ послать группу социологов, вышла бы отличная статья.

Впереди и справа вдоль горизонта тянулись руины чужаков – просто более черная темнота. Но в них двигался огонек – маленький и слабый, слабее звезды, и заметный только при движении. Опять кто-то бродит по руинам. Загрязняет территорию. Умом Элви понимала, что позволяет себе злиться, чтобы заглушить чувство одиночества и вины, но от этого раздражение не становилось менее реальным. Поджав губы, она вернулась в домик. Взяла фонарь, проверила, заряжен ли аккумулятор, и зашагала к руинам, вслед за раскачивающимся голубым кругом от луча фонарика. Мелкая пыль под ногами разъезжалась, как свежий снег, от размашистых шагов ныли бедра.

Приблизившись к руинам, Элви вроде бы увидела, как тусклый огонек удаляется в другую сторону. Обратно к поселку. Элви крикнула вслед, но ей не ответили. Целую минуту она стояла в темноте: колебания сменились неловкостью, а потом злостью на эту неловкость.

Тропинку, тянущуюся в руины, не смог скрыть даже недавний пылепад. Колея шириной с тележку, и колеса проезжали здесь достаточно часто, чтобы остался глубокий след. Покачав головой, Элви двинулась по тропе, огибающей высокий пригорок и уходящей вглубь огромных строений.

Луч фонарика высвечивал стены и поверхности, рождавшие мерцающий отблеск, – он перемещался, казалось, независимо от ее собственного движения. В укрытых от ветра местах остались следы. Много следов. Она видела не просто самостоятельного разведчика из поселка. Для местных руины стали чем-то вроде клуба. Нечего было и думать брать здесь образцы почвы – слишком много там оказалось бы посторонних примесей. Микроорганизмы, известные и неизвестные, смешались неразлично, как всегда происходит при их встрече в абсолютно неконтролируемой среде. То же самое можно было сказать о поселке, но там другое дело. А это – строения чужаков. Созданные громадой исчезнувшей цивилизации, о которой человечество почти ничего не знает. Это вам не домик на дереве, чтобы в нем играть!

– Эй, – окликнула она, – здесь есть кто-нибудь?

Тишина. Даже ветра не слышно. Покачав головой, Элви прокралась глубже в тень. Если здесь кто-то есть, она выскажет ему все, что давно собиралась. Хоть до утра будет читать лекцию, лишь бы понял!

Стены выростали из земли под странными, неестественными углами. Все это походило на механизм, подделанный под творение природы. Сквозь арку видна была голая темная равнина. Чем дальше уходила Элви, тем больше открывалось впереди, и ей начинало уже казаться, что изнутри руины больше, чем снаружи.

Она готова была сдать и повернуть к дому, когда заметила нечто квадратное. Простые прямоугольные очертания выделялись на общем фоне. Коробки из керамопласта, функционального серого цвета, но с яркими красными и желтыми предупредительными надписями: «Опасно! Взрывчатые вещества. Не хранить у источников тепла и радиации класса 3».

– Ох, нет, – вырвалось у Элви. – Черт, этого еще не хватало!

* * *

– Доктор Окойе, – сказал Рив. – Вы имеете в виду, что нашли за пределами поселка тайник со взрывчаткой?

– Да, – подтвердила Элви, – именно это я и сказала.

– И свидетельства, что в запретной зоне бывают люди?

Они вдвоем сидели в кабинете Рива. Лампа у него горела теплым мягким светом, а судя по мятым брюкам и незаправленной рубашке, Элви подняла его с постели. По ощущениям была середина ночи, хотя на этой планете с долгим периодом вращения до рассвета оставалось еще десять часов.

– Да, – сказала Элви.

– Хорошо, – произнес Рив, – очень хорошо. Удачно. Пожалуйста, расскажите, как найти это место.

– Да, конечно, я вас проведу.

– Нет. Вы должны остаться здесь. Не возвращайтесь домой. И не ходите в руины. Вы останетесь здесь, в безопасности, понимаете?

– Там кто-то был. Я увидела свет, потому и пошла. Что если бы они задержались там?

– Не стоит волноваться из-за того, чего не случилось, – с натужной бодростью произнес Рив, подразумевая: «Вас бы уже не было в живых». Элви уронила голову на руки. – Вы сможете описать, как туда добраться?

Она кое-как объяснила дрожащим голосом. Рив на ручном терминале построил карту, насколько она могла судить, довольно точную. Хотя память, кажется, ее немного подводила.

– Ну, хорошо, – заключил Рив, – я пока оставлю вас здесь.

– Но у меня вся работа дома!

Безопасник ободряюще потрепал ее по плечу, но взгляд его уже обратился внутрь. В его дальнейших планах ей не было места.

– Прежде всего надо позаботиться о вашей безопасности, – сказал он. – Остальное потом.

Несколько часов она сидела или расхаживала по комнате. Сквозь стену доносились голоса Рива и его подчиненных, звучали они серьезно и деловито. А потом их осталось меньше.

За Элви пришла молодая женщина. Элви знала ее в лицо, но не по имени. Странно, что за два года пути они так и не познакомились. Это кое-что говорило о популяции и общении в ней. Или об отсутствии общения.

– Вам что-нибудь нужно, доктор Окойе?

– Я не знаю, где бы поспать. – Голос Элви прозвучал тонко. Хрупко.

– Я поставила койку, – сказала девушка. – Пожалуйста, пройдите за мной.

Комната опустела. Остальные ушли в чужую тьму, чтобы встретиться с ужасающе человеческой угрозой. У девушки, проводившей ее к койке, на поясе была кобура. Элви мимоходом выглянула в окно. Та же улица, по которой она шла вчера, но все изменилось. Ощущение угрозы повисло над поселком, как наступающий шторм. Как дымка на горизонте. По улице прошел брат Фелисии. Он не взглянул на нее, он вообще не смотрел по сторонам.

В Элви поселился глубокий холодный страх.

Глава 9. Бася

Бася сам вызвался работать на руднике в ночную смену.

Меньше людей, от которых надо таиться. Меньше открытого неба, от которого у него дрожат колени. Работа, даже потогонная, приносила облегчение. Доставленный с «Барбапикколы» фабрикатор изготавливал вагонетки и тележки так проворно, что люди едва успевали загружать их сырой породой. Бригада Баси, чтобы угнаться за ним, решила протянуть рельсы от шахты к грохотам¹³ и оттуда к бункерам, где руда дожидалась челноков с «Барбапикколы» для доставки на орбиту. До сих пор породу возили на тачках. Моторизованная система увеличила добычу на порядок.

Итак, Бася со своей бригадой прокладывал металлические рельсы от блестящего в резком белом свете новенького фабрикатора. До шахты их доставляли на ручных тележках, там сгружали и сваривали. Рельсовые пути понемногу росли. Работа была тяжелой, из тех, которыми люди технического века больше не занимаются. А сварка в атмосфере сильно отличалась от вакуумной, так что Басе приходилось многому учиться заново. Сочетание умственной и физической нагрузки выматывало все силы. Мир сузился до очередного задания, до боли в плечах и до отдаленной надежды на сон. Некогда было думать о другом.

Например, об убийстве. О безопасниках корпорации, которые вынюхивают его, Купа и остальных. О том, насколько виноватым он себя чувствовал каждый раз, когда Люсия лгала чужакам, уверяя, что ничем не способна им помочь.

Позже, когда он сидел в бараке своей бригады, растирая сведенные усталостью мускулы и стараясь уснуть, несмотря на струящийся в окна дневной свет, перед ним снова и снова вставала гибель челнока. Он пытался понять, как успеть обезвредить взрывчатку. Можно было справиться с Купом, вырвать у него рацию. В особенно тоскливые минуты Бася думал, что, послушайся он жены, ничего бы этого вообще не случилось. Тогда ему становилось так стыдно, что он начинал даже немного ненавидеть Люсию. А потом себя – за то, что винил ее. Прижатая к глазам подушка заслоняла солнечный свет, но не картину снова и снова взрывающегося челнока, падающего и кричащего раненым зверем.

А ночами, за работой, ему становилось немного спокойнее.

Поэтому, когда на участке как ни в чем не бывало объявился Куп, Бася чуть не дал ему в морду.

– Привет, дружище, – сказал Куп. Бася выронил молот, набычился.

– Привет.

– Есть одно дело, – продолжал Куп, дружески обхватив Басю за плечи. – Ми примеро к тебе...

Это наверняка не к добру.

– Что там?

Куп отвел его в сторону, улыбаясь на ходу другим рабочим ночной смены. Просто двое приятелей отошли поболтать. Когда они удалились настолько, что их никто не мог слышать, Куп сказал:

– Девчонку из РЧЭ видели в руинах. Я послал Яцека проследить.

– Послал *Яцека*... – эхом повторил Бася.

Куп кивнул.

– Славный мальчишка. Надежный.

Бася остановился, стряхнул его руку.

¹³ *Грохот* – устройство наподобие решета, предназначенное для просеивания руды, гравия, песка и других сыпучих материалов.

– Не... – Он хотел сказать: «Не вмешивай моего сына», но не успел, потому что Куп, отмахнувшись, продолжил:

– Эста важно. – Куп придвинулся к Басе, понизил голос. – Она ходила в руины. А оттуда – прямо к шпикам РЧЭ. Яцек сказал, они задумали дождаться нас там. Взять партизан на месте преступления.

– Значит, мы туда не вернемся, – заявил Бася. Казалось, это так просто, никаких причин для паники.

– С ума сошел, прямо? Тогда аллес там были. Следов хоть жопой ешь. Они подождут-подождут, заскучают и вызовут настоящих экспертов. Вот тогда нам конец. Всем нам, ю ве¹⁴, разве что ты там не потерял ни частички кожи.

– Как же быть?

– Мы начнем первыми. Взрывчатка полыхнет – бум, и нет никаких следов.

– Когда?

Куп рассмеялся.

– А ты как думаешь? На следующей неделе? Сейчас же, койо. Идти надо сразу. До посадки посредника остались не дни – часы. Мне не хотелось бы, чтоб, сойдя с корабля, он увидел именно это. А тебе? Ты бригадир. Можешь взять одну из тачек. Надо забрать все дерьмо и смываться. – Куп нетерпеливо прищелкнул пальцами: – Йецт!¹⁵

О безумном плане подрыва всех запасов шахтной взрывчатки Куп толковал так твердо и самоуверенно, что Басе трудно было с ним спорить. Конечно, взрыв в чужих руинах – безумие. Но Куп прав, если найдут взрывчатку и через нее выследят Басю, то все откроется. Он не хотел, но пришлось. Придется.

– Хорошо, – сказал он и двинулся к стоянке картов. На месте был только один – по жестокой насмешке вселенной, тот самый, который Бася вел в ночь взрыва. На бортах с той ночи еще сохранились щербинки и вмятины. Ожоги, происхождением которых никто в поселке старался не интересоваться.

* * *

Куп дождался, пока Бася заведет и задом выкатит машину со стоянки, потом запрыгнул внутрь и принялся барабанить по пластиковой панели.

– Ходу, ходу!

Бася тронулся.

На полпути к руинам они наткнулись на четверых из внутреннего круга Купа: Пита, Скотти, Кейт и Ибрагима. Зади не было – ее малыш слег с тяжелым конъюнктивитом, так что она в последнее время почти не выходила из дома. Когда Кейт забросила свой ранец в машину, раздался тяжелый металлический лягг. Затем в карт уселись все четверо.

– Принесла? – спросил Куп, и Кейт, кивнув, стукнула по борту, давая Басе знать, что можно ехать. Тот не спросил, что она принесла. Поздно было задавать вопросы.

Руины выглядели темными и пустыми – как всегда, однако Куп велел заезжать с дальней от поселка стороны, сделав крюк по длинной дороге.

– На всякий случай, – пояснил он.

Когда Кейт открыла ранец, Бася не удивился, увидев внутри оружие. «Барбапиккола» не была военным кораблем, и с Ганимеда пушки захватили немногие, но все, что имелось, спустили на планету в первые же дни основания Первой Посадки. На вид – ничего особенного. Кейт вытащила дробовик и принялась вставлять толстые пластиковые заряды. Она была высо-

¹⁴ Тебе тоже.

¹⁵ Теперь, сейчас же.

кой, костлявой, с широким подбородком и постоянной складкой между бровей. С оружием она выглядела естественно. Как солдат. Бася, взяв в руки автоматический пистолет с коротким стволом, почувствовал себя играющим в войну ребенком.

– Вот кое-что еще, ты, киллер. – Ибрагим кинул ему узкий металлический предмет. Басе понадобилось несколько секунд, чтобы сообразить, что это обойма к пистолету. Всего со второй попытки он сумел вставить ее нужной стороной. Подорвать заряды... Очистить участок... Уничтожить улики... Стрельба в планы не входила, но нутром он чуял что-то такое с самого начала.

Пока остальные вооружались, Бася стоял в нескольких шагах от карта, разглядывая ночное небо. Одна из светлых точек была хвостовым выхлопом «Росинанта», на котором летит Джим Холден. Посредник. По идее, он должен не позволить колонистам и людям РЧЭ перестрелять друг друга. Он опаздывает – уже второй раз. На Ганимеди он тоже опоздал.

Болел не только сын Баси, Катоа. Вне гравитационных колодцев тысячи стрессирующих факторов ослабляли и подрывали иммунную систему. У доктора Стрикленда лечилась целая группа: Катоа, Тобиас, Аннамари, Мэй. Мэй выжила. Эту девочку Джеймс Холден спас из лаборатории на Ио.

И Катоа Холден тогда тоже отыскивал. Бася никогда не встречался с ним, только видел несколько раз по новостям. Однако отец Мэй был его другом. Он послал Басе сообщение, где описывал, как все происходило и как они с Холденом нашли тело мальчика.

Почему? Почему дочь Праксидика, а не его Катоа? Почему одни умирают, а другие живут? Где здесь справедливость? Звезды, на которые он смотрел снизу, не давали ответа.

И на Илосе Холден не успевал предотвратить того, что должно было произойти сейчас, пока он еще не ступил на планету. Открытия колец он тоже не предотвратил. И странных плодов Венеры. Будь Катоа еще жив, Бася бы не оказался здесь, а если б и оказался, не задержался бы надолго.

Странная мысль. Неестественная. Бася попытался представить, каким бы он стал в другой временной линии, – и не сумел. Он опустил взгляд на уродливое оружие, которое держал в руках. *Этого бы я не сделал.*

– Игра начинается, – сказал кто-то. Бася обернулся. Куп. – Возвращайся к нам, койо!

– Дуи¹⁶, – ответил Бася и глубоко вздохнул. Ночной воздух был прохладным и хрустким, с легким привкусом земли, нанесенной вечерней бурей. – Дуи.

– За мной, – сказал Куп и мелкой рысцой двинулся к руинам. Кейт, Пит, Ибрагим и Скотти несли оружие повоенному – или так, как они это себе представляли. Бася держал свой пистолет за дуло, стараясь не коснуться спускового крючка.

Они проникли в большое строение чужаков через один из многочисленных проемов в стене. Окно? Дверь? Не осталось туземцев, чтобы объяснить. Внутри свет фонариков и налобных ламп отразился от непривычно скошенных стен. Материал напоминал камень, был гладким как стекло и, освещаясь, менял цвет от черного к нежно-розовому. Бася погладил его пальцами.

Куп взмахом руки остановил группу, пригнулся и по-крабьи подполз к похожему на окно отверстию. Заглянул в него и поманил остальных к себе. Бася тоже присел на корточки.

– Видали? – Куп ткнул пальцем в окно. – Так и знал, что они здесь устроятся.

Кейт заглянула еще раз и кивнула.

– Вижу пятерых. Рив – это босс – и четверо его громил. Личное оружие и парализаторы. Смотрят они не в ту сторону.

¹⁶ Да, правильно.

– Проще простого, босс, – ухмыльнулся Скотти и щелкнул предохранителем винтовки. Кейт дернула затвор, проверяя заряд. Куп достал большой автоматический пистолет и сдвинул шторку назад. Другой рукой показал три пальца и начал беззвучный отсчет.

Бася смотрел на каждого по очереди. Они раскраснелись от возбуждения. Все, кроме Пита, который ответил на взгляд Баси. Он в тусклом свете он казался зеленовато-бледным, голова у него моталась в немом протесте. Бася как будто слышал его мысль: «Я не хочу!»

Что-то сдвинулось у него в голове, мир вдруг стал резким, почти осязаемым. С тех пор как Куп объявился на его участке работ, Бася следовал за ним как во сне. И вот они готовы расстрелять безопасников РЧЭ.

– Стойте! – сказал он. Куп вместо ответа выпрямился, прицелился и выстрелил сквозь окно. Мысли рассыпались.

Время задергалось рыками.

Куп, с бранью посылающий пулю за пулей в соседнюю комнату. Бася, лежа навзничь, видит, как из пистолета Купа выскакивает обойма, падает на землю рядом. Движение такое медленное, что Бася успевает прочитать марку производителя и калибр. «Верный прицел» 7,5 мм».

Скачок.

Он стоит рядом с Кейт. Как вставал – не помнит. Она палит из дробовика, грохот выстрела в тесном пространстве оглушает. Бася думает, что лишился слуха навсегда. В соседней комнате трое мужчин и две женщины в униформе РЧЭ мечутся в поисках укрытия или пытаются достать оружие, чтобы отстреливаться. На их лицах – паника. Они перекликаются. Он не понимает ни слова. Один стреляет из пистолета, пуля бьет в стену рядом с Кейт. Скрикошетившая пуля или осколок пробивает дырочку в ее щеке. Кейт продолжает стрелять, словно рана не стоит внимания.

Скачок.

Женщина из РЧЭ хватается за грудь, из которой струей выплескивается кровь. На бледном лице – ужас. Бася всего в нескольких шагах от нее, рядом со Скотти. Тот снова стреляет, попадает ей в шею. Женщина медленно запрокидывается, рука тянется к ране, но бессильно падает, и выглядит это как пожатие плечами.

Скачок.

Бася стоит один в коридоре. Как сюда попал – не помнит. За спиной слышны выстрелы и крики. В нескольких метрах перед ним безопасник из РЧЭ держит парализатор. У этого человека темная кожа и яркие зеленые глаза, округлившиеся от страха. Бася вдруг вспоминает, что этого человека зовут Зеб, хотя не может вспомнить, откуда знает имя. Зеб швыряет в него парализатором и тянется за пистолетом – к кобуре на поясе. Парализатор бьет Басю по голове, из трехсантиметровой ссадины течет кровь, но боли он не чувствует. Он видит, как Зеб достает пистолет, и, не задумываясь, прицеливается сам. Удивляется, заметив, что держит оружие правильно. Бася не помнит, как перехватывал его. Он нажимает спусковой крючок. Безрезультатно. Он готов сделать это снова, но тут за спиной раздается грохот, и Зеб начинает падать, а изо лба у него выплескивается кровь. Бася чувствует, что готов упасть в обморок.

Время перестало скакать. Нет передышки, нет спасения.

– Хорошо поработали, – сказал за спиной Куп. – Этот чуть не ушел.

Бася медленно развернулся, все еще воспринимая происходящее как сквозь сон. Шок. Распад сознания. Импульсивное желание еще раз поднять руку, шагнуть и застрелить Купа сдвинуло его вперед. Всего на шаг. Зеб истекал кровью на полу. Стрельба прекратилась.

Сзади орали и восторженно перекликались остальные. Бася посмотрел на свой пистолет, вспомнил виденные боевики. Вставляешь обойму и потом загоняешь патрон в ствол. Кейт

оттягивала затвор своего дробовика. Куп сдвигал шторку пистолета. У Баси пушка не выстрелила бы, сколько б он ни давил на спусковой крючок.

У Зеба кровь уже не текла. «На его месте чуть не оказался я», – подумал Бася, но мысль пока была бесчувственной. Невесомой. Словно едкий дымок насквозь прошел через мозг и растаял.

– Помоги-ка оттащить трупы, примо, – сказал Куп, хлопнув его по спине. – Зади отмывает тут все корродирующими жидкостями и пищеварительными энзимами. Так можно уничтожить мелкие улики, но не растворить настолько большие куски, верно?

Бася помог. На то, чтобы зарыть тела пяти женщин и мужчин в твердую землю за руинами, ушло несколько часов. «Первая же пыльная буря сотрет все приметы, что здесь копали», – заверил Куп. Группа безопасников просто исчезнет без следа.

Скотти с Питом перетасили из руин всю взрывчатку, загрузили ее в карт. Они вместе с Кейт и Ибрагимом вернулись в поселок пешком. Кейт несла ранец с оружием на одном плече. Пистолет Баси, нестреляный, снова лежал в ранце.

– Так надо было, – заговорил Куп, едва они ушли. Бася не понял, обращается он к нему или к самому себе, но все-таки кивнул.

Куп по-астерски пожал плечами и жестко улыбнулся.

– Ты знал, как это будет, койо. Сколько бы ни притворялся, что это не так, ты знал.

– Больше никогда в жизни, – сказал Бася. – И если в итоге пострадает кто-нибудь из моей семьи, я тебя сам убью.

Он доехал до рудника, оттуда пешком прошел к дому. Ввалился в крошечную ванную с рассветом. Человек в зеркале не походил на убийцу, но на его руках была кровь. Бася принялся ее отмывать.

Глава 10. Хэвлок

Это было примерно пять часов назад, на середине десятичасовой вахты Хэвлока. Мужчина в пурпурно-оранжевом одеянии, оскорбительно уродливым, сидел на кушетке в марсианской видеостудии. Хэвлок, плавая в предохранительных ремнях, смотрел на экран. Пристегиваться для него стало второй натурой, как бы глупо это ни выглядело. Орбиты Новой Терры, в общем, были пусты, шансы на внезапное ускорение нулевые. Просто привычка.

На маленьком мониторе, вделанном в стену каюты, молодой человек пожал руку хозяйке студии и улыбнулся в камеру.

– Давно вы у нас не появлялись, мистер Курвело, – сказала ведущая. – Спасибо, что заглянули.

– Я рад, Моника. – Молодой человек кивнул так, словно его поймали на горячем. – Рад вернуться.

– Итак, у меня появился шанс сыграть в новую игру, и, должна сказать, это совсем не похоже на вашу предыдущую работу.

– Да, – коротко отозвался мужчина и сжал челюсти.

– Возникли некоторые противоречия. – Улыбка ведущей стала чуть жестче. – Не желаете об этом поговорить?

Хэвлок физически не мог вжаться в подушки кресла, но внутренне дернулся.

– Послушайте, Моника, – отвечал человек в уродливом костюме, – мы здесь рассматриваем последствия убийства. Все смотрят на часть первую, а о том, что из этого выйдет, не думают.

У Хэвлока запищал ручной терминал. Он приглушил передачу и вышел на связь.

– Хэвлок, – сказал Мартри, – мне нужно, чтобы ты ответил на звонок.

Он говорил спокойно, с полным самообладанием. У Хэвлока сорвалось дыхание. Голос начальника предвещал неприятности, и в сознании первым возникло самое страшное. «Росинант» с Джимом Холденом, посредником ООН, через десять часов должен был начать торможение. Почти добрался. Если с ним что-то случилось...

– Внизу что-то случилось, – продолжил Мартри. – У меня на связи Касси, и было бы хорошо, если бы ты не дал ей сорваться, пока я говорю с капитаном.

– Так плохо?

– Да. Выходи на связь. И поспокойнее с ней. Сможешь?

– Конечно, босс, – ответил Хэвлок. – Я холоден, как ноябрь, и нежен, как китайский шелк.

– Умница.

Картинка на долю секунды застыла, а потом с экрана на него взглянула Касси. Они полтора года провели вместе на корабле. В одной команде. Были если не близкими друзьями, то приятелями. Хэвлок слышал, что она крутила роман с Араго, а потом они разошлись. Он считал ее другом – если вообще о ней вспоминал.

Лицо на экране было цвета пепла. Под глазами залегли красные круги.

– Касси, – начал Хэвлок, включив интонации, заученные на курсах по переговорам об освобождении заложников. Он посещал их после волнений на Церере. – Говорят, у вас там крутовато?

Хохот Касси сотряс камеру, изображение закачалось, как при землетрясении. Она отвела глаза и снова повернулась к нему.

– Они пропали, – сказала она, в паузе метнула взгляд куда-то в сторону – может быть, в поиске новых слов. – Они пропали.

– Так-так, – сказал Хэвлок. В голове теснились сотни вопросов: «Что случилось?», «Кто пропал?», «Что там такое?», Но Мартри не просил его ничего выяснять, а Касси нуждалась отнюдь не в допросчике.

– Мартри говорит с капитаном.

– Знаю, – сказала Касси. – Мы ухватили ниточку. Нашли тайник. Рив их повел. Я осталась со свидетельницей.

– Свидетельница здесь?

– Она сейчас спит, – ответила Касси. – Я же консультант, Хэвлок. Мое дело – составлять оптимальное расписание смен и настраивать сеть наблюдения. Я ни в кого не стреляю. В моем долбаном контракте убийство не значит.

Хэвлок улыбнулся, и Касси улыбнулась вместе с ним. По скуле у нее стекала слеза. Минуту оба хохотали, ужас трансформировался в приступ удушья. Это хоть немного, а безопаснее.

– Мне до смерти страшно, – заговорила Касси. – Если они и за мной придут, я же ничего не смогу сделать. Я заперла контору, но они легко пробьют стены. Да просто взорвут! Не знаю, зачем мы вообще понадобились здесь, внизу. Как только они подорвали тяжелый челнок, надо было рвать когти из колодца и оставаться на орбите. Грохнули бы их камнем с орбиты.

– Сейчас главное – сберечь тебя и свидетельницу.

– А как? – спросила Касси. В ее голосе слышался вызов, но этот вызов, крича: «Вы не сможете!», одновременно требовал: «Скажи мне, что ты сможешь!»

– Мы этим занимаемся, – сказал Хэвлок.

– У меня здесь даже есть нечего, – сказала Касси, – все в столовой. Я убить готова за сэндвич. И убью.

Хэвлока на курсах учили, как говорить с людьми, перенесшими шок. Там был целый список. Четыре правила, мнемоническая подсказка. Он ничего не мог вспомнить.

– Послушай, – сказал он, – ручаюсь, ты основательно взбудоражена.

– Я просто не в себе.

– Да, похоже на то, но ты уже потому молодец, что не насажала ошибок. Обычно люди, когда все летит в тартарары, начинают метаться и делают только хуже. Разносят все к черту. А ты забаррикадировалась и связалась с нами. Инстинкты у тебя в порядке.

– Врешь ты все, – сказала Касси. – Я только что не впала в ступор.

– Не впала – уже, считай, победа. Нет, серьезно, ты все делаешь правильно. Сохраняй спокойствие, выберемся. Понимаю, сейчас все выглядит безнадежно, но мы тебя вытащим.

– А если не...

– Вытащим.

– Но если нет... *Если*, понимаешь?

– Хорошо, – сказал Хэвлок, – если?..

– Окажи мне услугу. На Европе есть один парень. Хихири Тирпен. Инженер пищевого производства.

– Понял.

– Передай ему, что мне было жаль.

«Она готовится к смерти, – подумал Хэвлок, – и, возможно, права». Яркий меднистый вкус страха наполнил рот. Местные перебили службу безопасности РЧЭ. Она осталась последней. Он ничего не знал о положении там, внизу. Не исключено, что там уже собрали три тонны промышленной взрывчатки, чтобы оставить от Касси одно воспоминание. Она в любую минуту могла погибнуть у него на глазах, а он не в силах сделать хоть что-нибудь.

– Сама ему скажешь, – мягко ответил он, – кстати, после такого извиняться уже не страшно.

– Не уверена. Ты не знаешь Хихири. Обещаешь?

– Конечно, – сказал Хэвлок. – Я тебя поддержу в этом деле.

Касси кивнула. По ее щеке сбежала еще одна слеза. Не похоже, чтобы ему удалось ее успокоить.

На экране открылось крошечное дополнительное окошко – Мартри перехватил связь через доступ службы безопасности.

– Ну вот, Касс, – заговорил он. – Мы с капитаном Марвиком посылаем за тобой группу. Правда, это займет пару часов. Твоя задача – сберечь свидетельницу.

Голос у Касси подрагивал, но не срывался.

– На планете сорок наших и две сотни – их. Я одна. Я никого не могу защитить.

– Тебе и не придется, – сказал Мартри. – Я выслал уведомление о блокаде. Я координирую действия научной группы. Это все на мне. Твое дело – доктор Окойе. Просто постарайся, чтобы она дожила до прибытия подмоги, а?

– Есть, сэр.

– Вот и хорошо, – сказал Мартри. – Два часа. Ты справишься, Касс.

– Есть, сэр.

– Хэвлок. Мы собираем брифинг, подскочишь в службу безопасности?

– Уже иду, – отозвался Хэвлок, расстегнул ремни, оттолкнулся и выплыл из каюты.

Коридоры на «Эдварде Израэле» были в разрезе удлинненными восьмиугольниками – дедовская конструкция. Захваты для рук и упоры для ног на всех плоскостях. Хэвлок быстро продвигался вдоль туннеля, а мозг никак не мог разобраться, лезет он вверх, падает вниз, в колодезь, или – странное дело – ползет вверх ногами по потолку. Ему рассказывали, что у астеров от природы отключено ощущение верха и низа, но рассказывали всегда сами астеры, доказывая, что они лучше землянина. Может, это было правдой, а может, преувеличением. Так или иначе, пока Хэвлок добрался до помещения пункта безопасности, голова у него немного закружилась, и он успел затосковать по ненастоящей гравитации ускорения.

Десять человек, прицепившись к стенам, развернулись головами в одну сторону. Мужчины и женщины, очень разного сложения и оттенков кожи, но с одинаковым выражением лиц. Это было жутковато. Мартри выдал всем защитное снаряжение, и серо-голубые бронежилеты с высокими воротниками придавали людям сходство с насекомыми. Даже Мартри надел броню – значит, тоже собрался на высадку.

– ...у меня осталось, – говорил расположившийся у входа Мартри. – И кроме вас, никого нет. Не прискачет кавалерия спасать наши задницы. Мы и есть кавалерия, а это значит, что больше я людей терять не намерен. Мы служба безопасности всей планеты – те, кто здесь, в этой комнате. И мы справимся, но только если не станем приносить жертвы. Внизу вы при малейшей угрозе всеми средствами защищаете себя и свою группу.

– Сэр?

– Окми?

– Значит ли это, что мы уполномочены применять летальные средства?

– Вы уполномочены на *упреждающее* применение летальных средств, – ответил Мартри и выдержал паузу, чтобы до всех дошло. Хэвлок вздохнул. Мерзко, но другого выхода нет. Будь тяжелый челнок уничтожен обычными преступниками, могли бы разбираться полицейскими методами. Но местные не остановились, и вот опять пропали или убиты сотрудники РЧЭ. Это уже больше похоже на войну.

Ну что ж, они хотя бы попытались решить дело миром.

Правда, ждать от астеров благодарности не приходится.

– Через двадцать минут вываливаемся, – сказал Мартри. – Падать нам долго, и по дороге будет трясти. Я целюсь к востоку от лагеря астеров. Смит и Вэй командуют взводами. Первая и главная задача – добраться до нашего отдела и усилить его.

– А «Барбапиккола»? – спросил кто-то.

– На хрен «Барбапикколу»! Что с «Росинантом»?

Мартри поднял руку ладонью наружу.

– Вам недосуг беспокоиться о том, что творится на орбите или дома. Это на мне, я этим и займусь. Я и Хэвлок. – Мартри коротко улыбнулся ему, и Хэвлок ответил кивком, больше похожим на поклон. – Приказ вам известен, я вам доверяю.

Спускаемся и наведем порядок в этой навозной куче.

Группа безопасников рассыпалась, быстро и уверенно растеклась ручейками к доку, где ждали легкие челноки. Хэвлок не без зависти провожал их взглядом. Мельком вспомнилась картинка из детства, что-то про хромого мальчика и Пестрого Дудочника¹⁷.

Мартри, двигаясь против течения, подлетел к нему.

– Хэвлок, рад тебя видеть. Ты мне нужен на минутку.

– Есть, сэр.

Мартри кивком указал на свой кабинет. Крошечная комнатка, меньше каюты, с амортизатором на старомодных шарнирах, протянувшимся через все помещение. Мартри закрыл дверь.

– Я передаю под твою ответственность этот корабль.

– Благодарю, сэр.

– Я бы не спешил с благодарностью. Положение дерьмовое, – возразил Мартри. – На «Израэле» большей частью яйцеголовые, злые как черти, что мы не даем им заниматься наукой, и капитану нелегко было их здесь удержать. Теперь, когда начались неприятности, они меньше станут рваться вниз, но давление куда-то должно выплеснуться. На этот случай оставляю тебе минимальную команду.

– Мы справимся, сэр.

– Молодец. Самая серьезная угроза для нас – «Росинант». Корабль, пока не достался АВП, принадлежал марсианскому флоту. «Израэль» – большое судно, но оборудованное под научные работы. Потому... вот что мне нужно... я понимаю, тебе будет адски жаль челнока, но это надо сделать.

– Конечно, сэр.

– Один легкий челнок мы забираем для высадки, – медленно, словно размышляя на ходу, проговорил Мартри. – Остается один. Вооружи его. Сними предохранитель реактора и установи удаленное зажигание с защитой от взлома. Убери все стандартные средства контроля, оставь только те, к которым будет доступ у нас с тобой.

– И у капитана Марвика?

Мартри загадочно улыбнулся.

– Если хочешь – конечно.

– Сделаю за полдня, – обещал Хэвлок.

– Хорошо.

– Сэр? Против кого вы думаете его применить? Против лагеря астеров?

– Мы просто запасаемся вариантами, Хэвлок. Я надеюсь вовсе его не применять, – ответил Мартри, – но, если придется, он мне понадобится срочно.

– Вы его получите.

– Так мне будет спокойнее, – сказал Мартри и оперся рукой на стол, готовясь оттолкнуться.

– Сэр?

Мартри поднял бровь, и Хэвлок вдруг смутился до того, что готов был замолчать. Однако все-таки договорил:

¹⁷ В легенде о Гаммельнском Крысолове упоминается хромым мальчик: он не поспел за остальными детьми, которых дудочник уводил из города, и потому уцелел.

– Я понимаю, что это мелочь, сэр, но Касси, когда я с ней говорил, сказала, что голодна. Я обещал, что ей принесут сэндвич.

Мартри с каменным лицом смотрел на него.

– Я подумал: не могли бы вы захватить для нее сэндвич, сэр?

– Постараюсь, – отозвался Мартри, и Хэвлок не понял, смешно ему или досадно. Возможно, то и другое.

* * *

Хэвлок плавал над своим рабочим столом. Все камеры карцера пустовали. Его группа – четверо самых молодых сотрудников безопасности и техник, позаимствованный из корабельной команды, – модифицировали последний оставшийся челнок. Превращали его в бомбу. На мониторах падал на планету другой челнок, завершал торможение «Росинант», виднелся интерьер конторы, где заперлись Касси с доктором Окойе. Хэвлок наблюдал за ними, ожидая очередных неприятностей. Гудела и пощелкивала корабельная вентиляция. Он грыз ноготь на большом пальце.

От писка полученного сообщения он вскинулся так, что пришлось придержаться за консоль – не то улетел бы к стене. Хэвлок переключился на список входящих. Последнее пришло из головной конторы РЧЭ на Луне и было озаглавлено: «Варианты стратегий по деэскалации конфликта на Новой Терре: нажмите, чтобы загрузить». Его отправили пять часов назад.

Где-то в окрестностях колец теснились радиосигналы, электромагнитные волны пересекали бездну, неся закодированные мысли людей. Расстояние, на которое у человека уходило полтора года, они одолевали за пять часов.

За каких-то пять часов – и все равно чертовски опаздывали.

Глава 11. Холден

«Росинант» завершил маневр торможения на белом пламени р из хвостовой дюзы и выпал на высокую орбиту над Илосом. Планета под ним настолько походила на Землю, что отличия выводили из равновесия. Холден и прежде видел чужие миры. Ржаво-красную пустыню Марса, вихри и волны Сатурна и Юпитера. Они были совсем не похожи на голубую Землю с разбросанными тут и там коричневыми и белыми пятнами. А вот моря Илоса и его небо с пуховками облаков сразу же вызвали в мозгу Холдена ассоциации с родной планетой.

Только здесь был единственный большой материк и тысячи островов, цепочкой бус протянувшихся поперек гигантского океана. От смешения родного и чужого голова шла кругом.

– «Росинант», – передал им «Эдвард Израэль», – почему взяли нас на прицел?

– Ох... – Холден похлопал по панели связи, нащупал нужный канал. – Нет, «Израэль», это стандартная процедура ориентации. Не беспокойтесь.

– Принято, – без особого доверия ответил голос с «Израэля».

Холден переключился на внутреннюю связь:

– Алекс, не тычь в медведя прутиком.

– Понял, капитан, – с подчеркнутым ковбойским акцентом протянул Алекс и хихикнул: – Просто дал им знать, что в городе новый шериф.

– Прекрати. Оставь нам час для последней проверки и садись в грязь.

– О'кей, – усмехнулся Алекс. – Давненько я на таких не садился.

– Будут сложности?

– Никаких.

Холден выбрался из командирского кресла и поплыл к трапу. Через несколько минут он оказался на шлюзовой палубе, рядом с Амосом. Механик разложил два комплекта боевых скафандров марсианского изготовления, набор винтовок и дробовиков, боеприпасы и взрывчатку.

– Это что такое? – удивился Холден.

– Ты велел собрать вещи для высадки.

– Я имел в виду смену белья и зубную щетку.

– Капитан, – сдерживая раздражение, заговорил Амос, – они там убивают друг друга. Полдюжины безопасников РЧЭ растворились в воздухе, тяжелый челнок рванул на посадке...

– Да, и наше дело – не усугублять положения. Убери эту пакость. Только личное оружие. Собери для нас одежду и все такое и еще запас медикаментов для колонии. И все.

– Потом, – предупредил Амос, – когда ты пожалеешь, что все это оставил, я буду беспощаден в насмешках. А потом мы все умрем.

Холден хотел огрызнуться, но остановил себя. Что вообще хоть когда-нибудь шло по его плану?

– Хорошо, на каждого по винтовке, но разобранными и в ранцах. Чтoб не на виду. И легкие бронежилеты. Только то, что можно скрыть под одеждой.

– Капитан, – с насмешливым изумлением произнес Амос, – неужто ты способен чему-то научиться? Ты действуешь поновому?

– Почему я тебя терплю?

– Потому, – объяснил Амос, разбирая на составные части пехотную винтовку, – что я единственный на этом корабле способен наладить кофеварку.

– Я пошел за сменой белья и зубной щеткой.

* * *

Последним тормозным выхлопом «Росинант» наверняка осветил ночное небо над Илосом. Приземляясь на поле рядом с барачным городком колонистов, он взметнул километровую тучу пыли, а от грохота не только в поселке, но и дальше должны были задрожать все окна.

Поэтому Холден был удивлен и немного разочарован, обнаружив, что их никто не встречает.

Разве он – не посредник от АВП и Земли, избранный ооновской шишкой Крисьен Авасаралой и Фредом Джонсоном – главой АВП, если у АВП был глава, – для наблюдения за ходом переговоров? В других местах его бы удостоили встречающей делегации во главе с губернатором планеты и, возможно, оркестром. «Да хотя бы подвезли до поселка», – подумал Холден.

Взвалив на плечи два тяжелых мешка, он зашагал пешком. Амос тащил три. Третий назывался «на случай, если дерьмо попрут». Холден от души надеялся, что открывать его не придется.

Отойдя на достаточное расстояние, Холден дал знак Алексу, и «Росинант», снова взметнув тучу пыли, взлетел.

– Знаешь, – небрежно заметил Амос, – когда садишься так далеко, чтобы не пылить на местных жителей, а те даже карт за тобой не посылают, это выглядит как неблагодарность.

– Да, я и сам немного обижен. В следующий раз скажу Алексу, чтоб сел прямо посреди площади.

Амос кивнул на массивные строения инопланетян, поднимавшиеся вдаль. Выглядели они как две перевитые между собой стеклянные башни – или стволы двух деревьев, выросших слишком тесно.

– А вот и оно.

Холден не нашел что ответить. Одно дело – читать в рапортах колонистов о «чужих руинах», и совсем другое – самому увидеть гигантские конструкции иной расы, возвышающиеся над планетой. Сколько им лет? Пара миллиардов, если верить Миллеру. По его словам, изготовители протомолекулы исчезли примерно тогда. Продержится ли так долго что-нибудь из построенного людьми?

– Безопасники с «Израэля» считают, что именно там перебили их ребят, – через несколько минут заметил Холден.

– Отлично, – отозвался Амос, не замедляя шага, – кого-то здесь уже убили. Так мы метим свой участок, сам понимаешь. Теперь планета официально принадлежит нам.

Если не замечать чужих башен – а не замечать их было трудно, – пейзаж напоминал юго-запад Северной Америки. Твердая как камень земля, чахлая поросль на ней. Мелкие зверьки шмыгали из-под ног. На несколько секунд Амоса и Холдена окружил рой мошкар, но когда несколько мошек, укусив и напившись крови, упали мертвыми, остальные, как видно, смекнули, что человек в пищу не годится, и разлетелись.

Сама колония выглядела трущобным городком. Пестрая смесь сборных домиков и развалюх, склепанных из кирпича и металлических обломков. Некоторые дома были глинобитными – видно, кто-то решил испытать и этот способ. Холден улыбнулся, подумав, что люди, преодолев пятьдесят тысяч световых лет, вернулись к технологии десятитысячелетней давности. Люди – очень странные существа, но в них есть свое обаяние.

В центре поселка собрался народ. Или, точнее, собрался на пересечении двух немощеных улиц. Около пятидесяти колонистов стояли против дюжины людей в униформе РЧЭ и орали друг на друга. Слов Холден разобрать не сумел.

Кто-то из крайних заметил, как новые гости вошли в поселок, и указал остальным. Спор затих, вся толпа обернулась к Холдену с Амосом. Холден бросил мешки и с улыбкой помахал рукой. Амос тоже улыбнулся, но при этом невзначай положил руку на рукоять пистолета.

Высокая коренастая жена немногим старше Холдена бросилась к нему и горячо пожала руку. Холден почти не сомневался, что перед ним Кэрол Чивеве, но, если это было так, она сильно переменилась с тех пор, как ее снимали для досье.

– Наконец-то! Скажите этим гориллам...

Она не успела договорить, а Холден – ответить, потому что криками разразилась вся толпа. Холден смог разобрать лишь обрывки требований: прогнать РЧЭ, дать еду, лекарства, деньги, позволить им спокойно продавать литий, подтвердить, что колония не имеет отношения к исчезновению безопасников...

Пока Холден пытался утихомирить толпу, к нему не спеша подошел человек в форме РЧЭ. Остальные выстроились широким клином, словно косяк гусей.

– Пожалуйста, перестаньте. Я выслушаю каждого и приму к сведению все требования, когда мы устроимся. Но если вы будете вопить сейчас, мы ничего не...

– Шеф Мартри, – представился человек в форме, держась так, словно толпы не существовало. Он улыбнулся, протянув руку. – Возглавляю службу безопасности «Роял-Чартер-Энерджи».

Холден пожал ему руку.

– Джим Холден, общий посредник от ООН и АВП.

Толпа притихла и раздалась, образовав островок спокойствия с Холденом и Мартри в центре.

– Это ваши люди пропали? – продолжал Холден.

– Убиты, – с той же улыбкой поправил его Мартри. Холдену он напоминал акулу. Зубы, холодные черные глаза.

– Как я понял, это не доказано.

– Верно, они подчистили следы. Но я уверен.

– Пока уверен не буду я, никаких карательных акций, – сказал Холден и почувствовал, как Амос у него за плечом с безмолвной угрозой придвинулся ближе.

Улыбка Мартри не затрагивала глаз.

– Вы здесь босс.

– Посредник, – уточнил Холден, интонацией давая понять, что, с его точки зрения, это одно и то же.

Мартри кивнул и сплюнул в сторону.

– Конечно.

Словно прорвало плотину: народ снова надвинулся на них, какая-то высокая женщина протолкалась вперед и сунула Холдену ладонь с яростным требованием рукопожатия. Раз Мартри пожал руку, мне тоже пожимай!

– Кэрол Чивеве, координатор колонии, – сказала она, дважды встряхнув Холдену руку. Значит, первая была не она. – Здравствуйте, мадам координатор, – начал Холден.

– Этот человек, – она ткнула пальцем в Мартри, – угрожает нам трибуналом. Утверждает, что лицензия дает РЧЭ права на...

– Силой устанавливать законы ООН и поддерживать порядок, – закончил Мартри, умудрившись каким-то образом заглушить ее, не повысив голоса.

– Поддерживать порядок! – возмутилась Кэрол. – Вы разрешили своим людям стрелять первыми!

Толпа зароптала, и снова послышались крики. Холден замахал руками, успокаивая людей. Он надеялся, что выглядит более авторитетно и величественно, чем чувствует себя. Мартри заговорил, спокойно и твердо:

– Не вижу, каким образом мы можем «выстрелить первыми». До сих пор все, кто погиб, были убиты вашими людьми. Я не допущу дальнейших угроз сотрудникам и имуществу РЧЭ.

Высокий человек с крупным черепом астера пробился в первый ряд.

– Это похоже на угрозу, дружок.

– Пожалуйста, Куп, все и без тебя достаточно плохо, – устало вздохнула Кэрол.

«Ага, Куп из здешних баламутов», – отметил про себя Холден, запоминая лицо.

– А мне так сдается... – ответил Куп, с ухмылкой повышая голос и обращаясь к толпе, – сдается, что если кто сейчас угрожает, так это вы!

Топа одобрительно зашумела, и Куп ухмыльнулся во весь рот, наслаждаясь положением «гласа народа».

Мартри, по-прежнему улыбаясь, кивнул ему.

– Верно, что я готов на все, чтобы защитить своих людей. Мы уже слишком многих потеряли и не можем рисковать.

– Эй, друг, мы не виноваты, что вы не уследили за своими ребятами.

Кто-то в толпе засмеялся.

– Не беспокойтесь. – Улыбка Мартри не дрогнула, но он шагнул ближе к Купу. – Я выясню, что с ними случилось.

– Вы уж поосторожнее! – Куп взглянул на противника с высоты своего роста, его ухмылка стала хищной. – Такое же, знаете ли, и с *вами* может случиться.

– Это, – сказал Мартри, обнажая оружие, – определенно угроза.

Он выстрелил Купу в правый глаз. Астер обмяк и упал, как отключенная от сети машина. Пистолет оказался в руке Холдена и нацелился на Мартри прежде, чем капитан полностью осознал случившееся. Амос уже стоял рядом, наведя оружие на шефа службы безопасности. Вся его команда целилась теперь в Холдена. Толпа глухо молчала.

– Какого черта! – заговорил Холден. – Я сказал: никаких карательных акций. Я ведь только что сказал!

– Сказали. Это была не карательная акция, а ответ на прямую словесную угрозу. – Мартри спрятал пистолет и обернулся к Холдену. – Мы здесь установили военное положение на основании семьдесят первой статьи лицензии ООН на исследование этой планеты. На любую угрозу персоналу РЧЭ будем реагировать быстро и без предрассудков.

Несколько долгих секунд он разглядывал Холдена, потом предложил:

– Может, вы уберете оружие, капитан?

Амос на полшага продвинулся вперед, но Холден придержал его за плечо.

– Убери, Амос.

Он вложил свой пистолет в кобуру, и секундой позже его движение повторила вся команда РЧЭ.

– Я рад, что мы так быстро вошли в рабочий режим. Располагайтесь пока, – сказал Мартри. – Попозже я к вам зайду.

* * *

Координатор отвела для Холдена и Амоса комнаты в большом строении из сборных щитов, похожем на коробку склада. Его использовали как общую кладовую, столовую и паб.

Задние комнаты были снабжены койками, столом и умывальником.

– Вижу, нас поместили в президентские покои, – заметил Амос, бросив мешки на пол своей комнатки. – Мне бы выпить.

– Секунду, – отозвался Холден, прошел в свою комнату и связался с «Росинантом». Он послал полный доклад о встрече и убийстве Купа. Наоми обещала переслать рапорт Фреду и Авасарале, а его попросила беречь себя.

Бар, если это можно было назвать баром, представлял собой четыре шатких карточных столика и два десятка стульев, расставленных как попало в задней половине столовой. Амос с двумя бутылками пива дожидался, пока Холден закончит доклад.

– Вот это кстати!

– Тебе не кажется, что мы влипли? – спросил Амос, когда оба хлебнули пива.

– По мне, нормально, – ответил Холден.

– Ага...

Они пили по второй, когда появился Мартри. С минуту он говорил с барменом, потомсел напротив Холдена и выставил на стол бутылку виски и три стакана.

– Выпейте со мной, капитан, – сказал он, разливая на троих.

– Вы за сегодняшнее отправитесь в тюрьму, – сказал Холден и залпом выпил. У виски был кисловатый застойный вкус – астерская перегонка. – Я намерен об этом позаботиться.

Мартри пожал плечами:

– Возможно. Я намерен позаботиться о том, чтобы все мои люди дожили до времени, когда вопрос тюрьмы станет актуален. Я при атаке на челнок и убийстве наземной группы потерял уже двадцать человек. Больше терять не собираюсь.

– Ваше дело – обеспечивать безопасность корпорации, а не вводить военное положение и расстреливать тех, кто отказывается с вами сотрудничать. Я бы не потерпел такого и от законных властей, а тем более от наемного копа вроде вас.

Холден налил себе еще виски и выпил.

– Как называется эта планета?

– Что?

– Планета. Как она называется?

Холден подался вперед, готовый ответить: Илос. И осекся. Мартри натянуто улыбнулся.

– Вы много работали на АВП, капитан Холден. Известно, что к предприятиям вроде тех, на которое я работаю, вы затаили глубокую неприязнь. Я не уверен, что вы способны беспристрастно взглянуть на ситуацию. Угрозы и оскорбления не прибавляют мне уверенности.

– Вы продемонстрировали, что ни во что не ставите мои полномочия, убив астера в первые пять минут после моего прибытия, – сказал Холден.

– Верно. Да, вы могли подумать, будто я не принимаю вашу миссию всерьез. Но до ваших друзей из ООН полтора года, – сказал Мартри. – Вспомните об этом. На две реплики в разговоре уходит от восьми до одиннадцати часов, а на то, чтобы добраться оттуда сюда на нормальной скорости – почти девятнадцать месяцев. Наш временный губернатор убит террористами. Мои люди убиты за то, что пытались утвердить наши законные права. Вы действительно думаете, будто я стану ждать, пока вы здесь все уладите? Нет, застрелю каждого, кто угрожает экспедиции РЧЭ или ее работникам, и не потеряю от этого сон. Таково реальное положение дел – привыкайте.

– Я вас знаю, – сказал Амос.

Здоровяк-механик до сих пор сидел так тихо, что Мартри с Холденом подскочили от неожиданности.

– Кто же я? – подыгрывая ему, спросил Мартри.

– Убийца. – Лицо Амоса осталось равнодушным. Голос звучал легко. – Заполучили предлог и блестящий значок в свое оправдание, но не о том речь. Вы свалили того парня у всех на глазах, и вам не терпится повторить.

– Правда? – спросил Мартри.

– Ага. Так что предупреждаю как убийца убийцу: с нами такое дерьмо не пройдет.

– Амос, полегче, – предупредил Холден, но эти двое его не слушали.

– Похоже на угрозу, – сказал Мартри.

– А это она и есть, – ухмыльнулся в ответ Амос. Холден сообразил, что руки обоих скрылись под столешницей.

– Эй-эй!

– По-моему, это может кончиться кровью, – сказал Мартри.

– А почему не теперь? – пожал плечами Амос. – Я как раз свободен, промежуточную часть можно опустить.

Бесконечную минуту, пока Амос с Мартри улыбались друг другу через стол, в голове Холдена прокручивались варианты: «Если Амоса застрелят?», «Если Мартри застрелят?», «Если меня застрелят?».

– Хорошего дня, люди, – медленно вставая, протянул Мартри. Руки у него были пустыми. – Бутылку оставьте себе.

– Спасибо, – кивнул Амос и налил по новой.

Мартри ответил кивком и вышел из бара.

Холден выдохнул – казалось, он не дышал целый час.

– Да, похоже, мы ухнули с головой, – признал он.

– Придется мне рано или поздно пристрелить его, – сказал Амос и выпил залпом.

– Лучше без этого. Все и так похоже на крушение поезда. Мало того что на рельсы затянет несколько сот колонистов и ученых, что уже плохо, так еще виноват окажусь я.

– Пристрелить его было бы полезно.

– Надеюсь, не придется, – сказал Холден с неприятным чувством, что Амос прав.

Интерлюдия. Сыщик

Оно тянется, тянется, тянется, тянется...

Сто тринадцать раз в секунду – не получая ответа и пробуя снова. Оно не чувствует досады – бессилие ощущают только отдельные его части. Оно не приспособлено включать в себя сознание или волю – только применять любые подручные средства. Умы внутри него зауклены, отгорожены. Их используют по мере надобности, как и все остальное, а оно все тянется вдаль.

У него нет плана. Нет даже желаний – или есть только одно слепое желание, без осознания, чего именно. Оно – избирательное давление на хаос. Оно не думает о себе так, потому что вовсе не думает, но условия среды меняются, открываются новые развилки, и оно, сформировав сыщика, просачивается в новые щели. В новое пространство. Умы в его составе интерпретируют это движение по-разному. Одни – как руку, поднимающуюся над могильной землей. Другие – как дверь в комнате, где прежде не было дверей. Как глоток воздуха для утопающего. Оно не сознает этих образов, но они содержатся в нем.

Сыщик оказывает давление на среду, и среда реагирует. Она снова меняется. Порядок подбирается к порядку. Но осознать это невозможно, потому что нет сознания. Оно бы осознало ускорение или замедление, вектор, стремящийся к нулю в одних координатах, и вектор, изменяющий направление к единице в других, – осознало бы, если б могло, но оно ничего не сознает. Оно тянется.

Ряды чисел совпадают, оно разворачивается и тянется. Информация льется водопадом, сознающая часть его видит, как расцветает лотос вечности, слышит крики, составленные из других криков, составленных из других криков во фрактальной конструкции звука, и молит Бога о смерти, но она не приходит.

Оно тянется, но направление, в котором оно тянется, изменилось. Оно импровизирует, как импровизировало всегда. Дергается лапка насекомого, искра проскакивает в просвете, через который оно тянется.

Оно касается чего-то, и в тот же миг все его части, способные чувствовать, испытывают надежду. Оно не сознает надежды. Ответа нет. Это не конец. Конца не будет никогда. Оно тянется и находит новые предметы. Старые предметы. Оно расцветает в местах, подходящих для расцвета. Приходят ответы, ответы питают вызвавшие их импульсы, и поступают новые ответы. Все это – автоматика, пустая и мертвая. Ничто не тянется навстречу. Оно не чувствует разочарования. Оно не отключается. Оно тянется.

Оно не испытывает настороженности, но осторожность содержится в нем. Оно тянется, прорывается в пространства новых возможностей, и что-то в его глубине, разросшись больше, чем следует, наблюдает, как оно тянется.

Двери и углы. Оно тянется, тянется, тянется. За двери и по углам.

Это может плохо кончиться, малыш.

Глава 12. Бася

Джеймс Холден опоздал.

Бася вместе со всеми колонистами смотрел, как яркий хвост «Росинанта» освещает небо Илоса. Для Баси, возможно, уже было поздно. Он сделал бомбу, уничтожившую челнок РЧЭ и убившую губернатора от ООН. Он присутствовал, когда Куп и другие убивали безопасников РЧЭ. Может, обратный путь уже отрезан. Может, он уже покойник или осужден на пожизненное заключение – а это, в сущности, то же самое. Но белая световая полоска в небе невольно затеплила в нем надежду. Джим Холден спас детей с Ганимеда – к Катоа он опоздал, но других-то спас! Он свалил гнусную корпорацию, убившую малыша Баси. Ни «Мао-Квиковски», ни «Протогена» больше не существует, и все благодаря Холдену. Бася никогда не встречал его лично, но видел в передачах и читал о нем в новостных лентах. От этого возникло странное чувство близости с человеком, который отомстил за Катоа, а теперь говорил и улыбался с экрана.

И вот он летит на Илос. Не спасет ли он и Басю?

Когда полоска погасла и Бася понял, что команда Холдена на орбите, в нем стала расти надежда. Впервые за долгий срок.

Услышав грохот спускающегося челнока, он вместе со всеми колонистами выбежал посмотреть на посадку. «Посредник ООН прибыл!» – кричали они друг другу. Подразумевая: человек, который спас Землю. Человек, который спас Ганимед.

Человек, который спасет нас.

Маленький челнок, свалившись с неба, сел на твердую площадку к югу от Первой Посадки, и половина жителей поселка бросилась его встречать. Бася тоже побежал.

Челнок растопырил пять толстых опорных лап и пощелкивал, остывая. Поселок молча ждал, волнение мешало говорить. Потом опустился трап, и по нему сошел коренастый землянин с седыми волосами и глубокими морщинами на лице. Не Холден. Может, один из его команды? Но человек был вооружен, на оружии виднелся логотип РЧЭ, а Холден выступал нейтральным посредником.

Человек остановился на полпути по трапу и невесело улыбнулся им. Бася понял, что не дышит, только когда заметил, что и кругом все затаили дыхание.

– Приветствую, – заговорил землянин. – Меня зовут Адольфус Мартри, я глава службы безопасности «Роял-Чартер-Энерджи».

Неужели в небе они видели торможение нового корабля РЧЭ? Человек спустился на землю, улыбаясь все той же акульей улыбкой, – и толпа попятилась. Бася попятился с остальными.

– Вследствие атаки на челнок, унесшей жизни многих служащих РЧЭ и ООН, я принимаю прямую ответственность за безопасность данного мира. Если такая ситуация похожа на военное положение, так это оно и есть.

Мартри свистнул, и еще десять человек в боевом снаряжении спустились по трапу. Они были вооружены автоматами и боевыми пистолетами. Нелетального оружия Бася не заметил.

– Прошу иметь в виду, – продолжал Мартри, – что после атаки на первую группу безопасности...

– Никто не доказал, что была атака! – крикнули из толпы. Куп – а может, и не Куп. Тот стоял в последнем ряду, скрестив руки на груди и самодовольно улыбаясь.

– После этой атаки, – продолжал Мартри, – я дал своим людям право «первого выстрела». Почувствовав угрозу, они могут применить летальное оружие для ее устранения.

Кэрол пробилась сквозь толпу и встала перед Мартри. Куп последовал за ней.

– Вы – не представитель власти, – сказала Кэрол. От ярости у нее на шее вздулись жилы, кулаки были сжаты, но рук она не поднимала. – Вы не имеете права высаживаться здесь с оружием и угрожать нашей жизни. Это наш мир.

– Верно! – Куп обернулся лицом к толпе, призывая поддержать его.

– Нет, – продолжая улыбаться, возразил Мартри, – не ваш.

Гром расколол небо: еще один корабль нырнул в атмосферу и пошел на посадку на западной окраине. Мартри едва удостоил его взгляда. «Новые войска», – подумал Бася.

Мартри направился в сторону поселка, его люди потянулись за ним, а местные сомкнулись кругом. Кэрол что-то говорила, но все впустую. Мартри только кивал и улыбался, но шага не замедлял. Корабль, приземлявшийся по ту сторону поселка, выбросил струю белого пара и скрылся из вида. Рев его двигателей заполонил мир.

Посреди поселка Бася заметил околачивающегося на краю топы Яцек. Он схватил сына за плечо, дернул к себе сильнее, чем хотел, и мальчик испуганно пискнул.

– Папа, – спросил он, когда Бася оттащил его в сторону, – я что-то не так сделал?

– Да, – рывкнул Бася, увидел слезы в глазах мальчика и замолчал, упал рядом с ним на колени. – Нет, нет, сын. Ты ни в чем не виноват, только иди домой.

– Но... – начал Яцек.

– Без «но», сын. – Бася мягко подтолкнул мальчика к дому. – Уходи домой.

– Этот человек будет нас убивать? – спросил Яцек.

– Какой человек? – Бася просто тянул время. Он знал какой. Даже его маленький сын чуял смерть, окружавшую Мартри и его людей. – Никто не будет нас убивать. Иди домой.

Бася проводил взглядом идущего к дому Яцек, дождался, пока за мальчиком закроется дверь. Он уже возвращался к остальным, когда прозвучал выстрел.

Первой его мыслью было: «Яцек прав, они нас убивают».

«Не нас», – понял он, пробившись сквозь толпу. Только Купа, который лежал в пыли с дырой на месте правого глаза.

Под его лицом собралась красная лужа.

А Холден, стиснув зубы, смотрел на него круглыми глазами. «Опоздал, – подумал Бася. – Он опять опоздал».

* * *

По улицам Первой Посадки вышагивали люди с автоматами.

Бася с Люсией сидели на своем крыльчке и смотрели, как они расхаживают в меркнувшем предвечернем свете. Мужчина с женщиной, оба в бронезилетах с красно-синим логотипом РЧЭ. Оба с автоматами. Оба с жестко застывшими лицами.

– Это я виноват, – сказал Бася.

Люси стиснула ему ладонь.

– Пей чай, Бась.

Он опустил взгляд на чашку с чаем, остывающую на коленях. Маленькая колония могла позволить себе ровно столько чая, сколько было привезено с собой на челноках. Невообразимая роскошь. Он отхлебнул тепловатую жидкость и не почувствовал вкуса.

– Следующим они убьют меня.

– Не исключено.

– Или навсегда запрут в тюрьму, оторвут от семьи.

– Ты, – сказала Люсия, – оторвался от семьи, когда связался с тупыми убийцами, подорвавшими челнок. Ты отвез их в руины – убивать людей из РЧЭ. Ты сам выбрал все, что привело тебя сюда. Я люблю тебя, Бася Мертон. Люблю так, что в груди больно. Но ты глупый, глупый. И когда они заберут тебя от меня, я тебе этого не прощу.

– Ты жестока.

– Я врач, – сказала Люсия. – Привыкла сообщать плохие известия.

Бася допил чай, пока тот совсем не остыл.

– Я мог бы принести с раскопок веревку или цепь, чтобы подвесить качели. Сидели бы, качались.

– Хорошо бы, – сказала Люсия.

Охранники РЧЭ дошли до конца улицы и повернули обратно. Солнце спускалось к горизонту, так что их тени протянулись через весь поселок.

– Мы все высчитываем, как бы заработать денег на литии, – продолжал Бася, – а пора уже думать о собственной энергии.

– Верно.

– «Барб» не вечно будет поставлять нам силовые ячейки. Рано или поздно корабль улетит к Палладе продавать руду.

Пару лет нам придется обходиться без него.

– И это верно, – сказала Люсия, покрутила в чашке остатки чая и взглянула на звезды. – Мне не хватает в небе Юпитера.

– Красиво было, – согласился Бася. – Сегодня, когда стемнеет, мне придется встретиться с Кейт и остальными.

– Бась, – начала Люсия и остановилась, только грустно вздохнула.

– Они захотят мстить за Купа. От этого только хуже будет.

– Интересно, – сказала Люсия, – как выглядит «еще хуже»?

Бася сидел молча и думал о том, как бы поставить на крыльце качели. И установить нагреватель для воды побольше. И пристроить позади дома более просторные комнаты для кухни и столовой. Обо всем, чего он уже не сделает.

Охранники в конце длинной улицы почти растаяли в сумерках. Пора было уходить.

– Ты сможешь удержать их от новых убийств? – поинтересовалась Люсия – так, как попросила бы налить еще чая.

– Да, – ответил Бася, сам не веря своим словам. – Тогда иди.

* * *

Они собрались в доме Кейт. Пит, Скотти, Ибрагим. Пришла даже Зади, оставив дома с больным малышом жену Аманду. Дурной знак. Зади была самой бешеной из всех. Самая горячая голова. Бася работал с ней на Ганимеди – она и тогда не раз появлялась утром с подбитым глазом или опухшей губой после драк в баре. Все были на взводе, все стояли на краю, готовые прыгнуть, но отговорить Зади казалось труднее всего.

– Они застрелили Купа, – начала Кейт, как только вошел запоздавший Скотти. Все были там, все видели. Да – это начинается поиск оправданий. – У меня есть план. РЧЭ запрятались в...

– Кто тебя назначил главной? – спросила Зади.

– Мартри.

Зади прищурилась, но промолчала. Бася пристроился на край диванчика рядом с Кейт. Самодельную раму покрыли вытасенными с корабля подушками и кое-как сшитыми лоскутами ткани, которую раз в месяц выдавал фабрикатор – на одежду и другие нужды. Рядом Кейт поставила сколоченный из местного аналога древесины столик. Он вышел не слишком ровным: стакан с водой, поставленный на него Басей, заметно кренился. На стенах висели снимки родных: две сестры Кейт, оставшиеся в Поясе, и их дети. В углу притулилась глиняная ваза с сухими ветками. Бася решил, что это украшение, а не растопка. Для такого собрания все здесь выглядело слишком по-домашнему, и потому не верилось, что он и пятеро его знако-

мых собрались обсудить убийство дюжины безопасников корпорации – здесь, в комнатке Кейт, рядом с букетом из прутняка.

Заговорил Скотти, предложил подождать. Это был не голос разума, а голос страха. Пит поддержал его, выступив против эскалации. Кейт и Зади криком заткнули ему рот. Ибрагим молчал, тербил себя за нижнюю губу и хмуро смотрел в пол.

– Думаю, надо подождать Холдена, – сказал Бася, когда в разговоре возникла пауза.

– Холден уже день здесь. Чего ждать? – Слова Кейт сочли густым сарказмом.

– Ему нужно время, чтобы познакомиться с нами, освоиться... – Даже самому Басе это показалось неубедительным. – Как-никак, он посредник. И напрямую связан с властями АВП и ООН. Его рекомендации будут действительно весомы. Надо, чтобы он оказался на нашей стороне.

– АВП... – сплюнула Зади. – ООН... Чем они нам помогли? Отделались коротким письмом? Мартри и его костоломы уже здесь! – Зади ткнула пальцем в стену, за которой по улице ходил вооруженный патруль. – Сколько наших должны убить, чтобы мы начали защищаться?

– Мы убили первыми, – сказал Бася и тут же об этом пожалел. Все заорали, главным образом на него. Бася встал. Он знал, что вид у него впечатляющий: коренастый, с мощной шеей, ростом он превосходил всех, кто был в комнате. Он шагнул вперед, надеясь, что один его вид их утихомирит, – хотя не сомневался, что Кейт, если решится, забьет его насмерть.

– Заткнитесь!

Они заткнулись.

– У нас есть шанс, – с трудом выровняв голос, продолжал Бася. – Но очень хрупкий... Мы убили людей из РЧЭ.

– Я не... – начала Зади, но Бася жестом остановил ее.

– Они убили Купа. Так что они считают, что поставили нас на свое место, и не станут убивать других без провокаций. Так что прямо сейчас имеется равновесие. Если никто не качнет его в ту или другую сторону, Холден сделает то, зачем его прислали. Поможет нам разобраться без применения силы.

Кейт, фыркнув, отвернулась, но Бася не смотрел на нее.

– Я с вами в одном котле. И теряю не меньше других. Но этот человек должен быть на нашей стороне. Он видел, как Мартри убил одного из наших, а нас он ни на чем не поймал. У нас преимущество: сейчас мы выглядим жертвами. Пусть для него это так и останется.

Долгую минуту Бася, отдуваясь, стоял посреди комнаты, а остальные молчали.

– Хорошо, – заговорил Ибрагим. Он когда-то был солдатом. Его все уважали. И заговорил он властным тоном. Кейт нахмурилась, но промолчала.

– Хорошо?

– Хорошо, большой дядя, – повторил Ибрагим. – Пока станем играть по-твоему. Давай, поговори с Холденом. Перетащи его на нашу сторону. Ведь он же нашел твоего мальчика, са-са?

Воспользуйся этим.

Вспышка гнева и стыда обдала Басю: сделать из Катоа приманку для Холдена, – но он подавил гнев. Ибрагим был прав. У Баси найдется о чем поговорить с Холденом и чем вызвать его сочувствие.

– Завтра я с ним встречу. – Он проглотил подступившую к горлу рвоту.

– Значит, это на тебе, большой дядя. – В голосе Ибрагима прозвучала угроза.

* * *

Домой Бася возвращался в непроглядной темноте илосской ночи. И жалел, что не догадался взять фонарь. И жалел, что взорвал челнок с людьми и что помогал Купу убивать без-

опасников РЧЭ. Жалел, что жена на него сердита и что она права. Жалел, что Катоя нет, что они не могут по-прежнему жить дома, на Ганимеде, и что они вообще явились на Илос.

Он споткнулся о камень, до крови рассадил колено. Прочего не исправишь, но фонарь-то можно было взять.

Люсия оставила включенной лампу над крыльцом. Без нее Бася, пожалуй, прошел бы мимо дома, не заметив. Значит, она хотя бы хочет, чтобы он возвратился. Включила свет, чтобы он вернулся. Впервые за долгий срок Бася заметил, что улыбается.

Темная фигура метнулась в полумраке к задней двери. Не успев задуматься, Бася рванулся за ней. Фигурка у двери в ужасе съезжилась.

– Фелисия!

– Папа, ты меня напугал!

– Ох, малышка, извини, я не понял, что это ты. Увидел, как кто-то крадется к дому, и кинулся.

Фелисия улыбнулась ему: на глазах слезы, губы дрожат, но держится храбро.

– Ладно, давай зайдём.

– Фелисия, – спросил Бася, придерживая рукой дверь, – почему ты крадешься домой среди ночи?

– Я ходила погулять. – Она отвела глаза, не желая встречаться с ним взглядом.

– Пожалуйста, детка, скажи, что гуляла с мальчиком.

– С мальчиком.

Она так и не взглянула на него.

– Фелисия!

– Я улетаю с ближайшим челноком, папа, – сказала она, наконец встретив его взгляд. – Улетаю. Как только Джеймс Холден заставит их выпустить «Барбапикколу», я улечу с ней. С Паллады найду транспорт до Цереры. Мама попросила своего давнего куратора проэкзаменовать меня для подготовительного курса медицины в Лунном Адриановском.

Басю как будто ударили под дых. Боль в животе не давала вздохнуть.

– Я лечу, папа.

– Нет, – сказал он, – не летишь.

Глава 13. Элви

Дед Элви был уже в возрасте, когда вступил во второй брак. Его новый муж, немец, оказался смешливым, белобородым, ироничным циником. Лучше всего она помнила присловья, которые у дедушки Рейнарда были наготове на все случаи жизни. От этого он казался ей знающим жизнь мудрецом, хотя Элви далеко не всегда понимала соль его шуток.

Среди прочего он говаривал: «Один раз – никогда, второй раз – как всегда».

Когда погиб челнок, она догадалась – как догадались все, – что кто-то подложил взрывчатку, но отношение астеров с той ночи настолько противоречило этому пониманию, что эмоциональный отклик стерся. Кто-то из астеров совершил страшное зло – но он был безликим, анонимным, точно и не настоящим. А доктор Мертон, которая делала все, что могла, помогая раненым, была настоящая. Ее дочь Фелисия, занесенная на самый дальний форпост человечества и рвавшаяся учиться на Луну, была настоящая. И Энсон Коттлер с сестрой Кани, помогавшие Элви обставить домик. И Самиш Оэ с его застенчивой полуулыбкой. И Кэрол Чивеве. И Эйринн Санчес. Все они были так добры, что Элви отложила смерть губернатора на дальнюю полку памяти как исключительное происшествие, которое больше не повторится.

Но исчезновение команды Рива оказалось вторым таким случаем, и взгляд Элви на колонию, и на ученых РЧЭ, и на собственный домик на краю плато резко переменялся. Потому что угроза насилия из «никогда» превратилась во «всегда».

– Что-нибудь еще вы заметили? – спросил Мартри.

– Нет, – ответила Элви, – не помню.

– Доктор Окойе, я понимаю, как вам это неприятно, – сказал шеф безопасности, – но вы должны припомнить все, что видели, когда находились там. Кого вы заметили возвращающимся в поселок? Как вам кажется: это был мужчина? Или женщина?

Конечно, память так не работает. Заставляя себя вспомнить, подталкивая, скорее рискуешь зародить ложные воспоминания, чем вытащить на поверхность забытые подробности. Объяснять это Мартри представлялось невежливым, так что Элви просто покачала головой.

– Извините.

– Все в порядке, – с нескрываемым разочарованием ответил он. – Если что-то еще вспомнится, пожалуйста, сообщите мне.

– Сообщи.

– Вы хорошо себя чувствуете?

– Думаю, да. А что?

– Посредник ООН желает с вами побеседовать, – объяснил Мартри. – Но вы не обязаны с ним встречаться, если не хотите. Скажите только слово, и я пошлю его к черту.

– Нет. Я не против, – ответила она, думая: «Джеймс Холден хочет поговорить со мной?»

– А я должна... что именно я должна ему рассказать? То есть о работе?

Больше всего ей хотелось выбраться из офиса безопасности. Долгий тридцатичасовой день Новой Терры мешал точно оценить время, но пришла она к Риву в темноте и эту ночь проспала в одной из камер. Потом сидела здесь, пока Мартри со своей группой спускались на планету и устанавливали порядок, и уже снова настало утро. Значит, двое суток Новой Терры. Почти трое земных. Ощущение времени здесь стиралось.

– Капитан Холден хочет точно оценить тяжесть ситуации, – объяснил Мартри. – Он прилетел с готовностью учитывать две стороны проблемы и хочет сгладить противоречия. Если вы сумеете внушить ему, что здесь это не сработает, я буду весьма благодарен.

– О... – сказала она. – Да, конечно.

– Спасибо, – кивнул Мартри.

– И еще кое-что...

Мартри склонил голову к плечу и подался к ней. «Слушаю вас, мадам» он не произнес, но выразил всем телом.

– Мои рабочие материалы остались в домике, – сказала Элви. – У меня, когда я сюда пошла, были запущены несколько опытов. Я могу вернуться, или к моему домику допуск закрыт?

– Возвращайтесь, – разрешил Мартри. – Мы не уступим ни сантиметра нашей территории. Кто уступит, тот проиграет.

– Спасибо, – сказала Элви.

Лицо Мартри на миг застыло, глаза стали пустыми: такой взгляд Элви видела у лабораторных животных перед принесением их в жертву. Он выглядел уже мертвым. – На здоровье, – сказал он.

* * *

На улице Элви стало не по себе, но меньше, чем она боялась. Она тосковала и боялась, пока длилось осадное положение в офисе службы безопасности – пока ждала спасителей. А теперь среди жителей поселка появились знакомые лица. По поперечной улице прошли две женщины в полицейском снаряжении – пехотные винтовки уютно устроились у них на руках. От одного их вида Элви полегчало. А потом прибыл еще и Холден.

Конечно, положение не успокоилось, но шло на лад. Изменялось к лучшему – а пока и этого было довольно.

Еще один охранник стоял у входа в общий склад с винтовкой в руках.

– Доктор Окойе, – кивнул он, пропуская ее внутрь.

– Мистер Смит, – отозвалась она.

За несколько недель после высадки она не раз побывала в общей столовой. Не считая редких дружеских посиделок в лабораториях и официальных совещаний в ратуше, здесь некуда было пойти – разве что удариться в религию. Элви видела – чувствовала, – как изменился характер места с присутствием Джеймса Холдена. Прежде зал столовой принадлежал всем наравне, был чем-то вроде муниципального парка. А теперь за дальним столиком сидел человек – сидел как обычный житель, заглянувший съесть миску риса и выпить пива. Сидел, опершись на локти, беседуя с Фаизом, – и был здесь главным. Зал принадлежал ему. То, что прежде воспринималось как общее, стало бесспорным владением Джеймса Холдена.

У Элви поджались мышцы живота, дыхание зачастило.

Она видела Холдена в новостях и информационных программах. С самого начала войны между Марсом и Поясом он стал самой важной персоной Солнечной системы – знаменитостью. Его влияние, нарастая и убывая в зависимости от ситуации, сохранялось все эти годы. Джеймс Холден был кумиром. Для одних – символом победы кораблика-одиночки над государствами и корпорациями. Для других – агентом хаоса, начинающим войны и раскачивающим стабильность ради чистой идеи. Но кто бы что ни думал о его намерениях, в его влиянии не сомневались. Он был человеком, который спас Землю от протомолекулы. Человеком, свалившим «Мао-Квиовски». Первым установившим контакт с артефактом чужаков и открывшим врата к тысяче разных миров.

В действительности он немного отличался от картинок на экране. Лицо и теперь выглядело широковатым, но не настолько. Теплого оттенка кожи не стерли даже годы в лишенной солнца коробке корабля. Темно-каштановые волосы на висках припылила седина, но глаза были все такими же голубыми, как сапфиры. Под взглядом Элви Холден потер рукой подбородок, кивнул на какие-то слова Фаиза. Бессознательным и очень мужским движением он напомнил ей какого-то крупного зверя: льва, гориллу или медведя. В нем не было угрозы, только

сила, но Элви сразу ощутила, что человек, виденный прежде лишь на экране, сейчас дышит с ней одним воздухом.

– Вы в норме?

Элви встрепенулась. Вопрос задал крупный и бледный мускулистый мужчина. Обритая голова и большой живот придавали ему сходство с гигантским младенцем. Мужчина придержал Элви за плечо, словно опасался, что та упадет.

– В норме? – вместо утверждения невольно получился вопрос.

– Просто вы на секунду так изменились в лице... Точно все уже в порядке?

– Я должна встретиться с капитаном Холденом, – объяснила Элви, собираясь с духом. – Меня зовут Элви Окойе, я из РЧЭ. Экзобиолог из состава РЧЭ.

– Элви! – окликнул Фаиз и помахал ей.

Она кивнула бледному мужчине и прошла к столику, где сидели Фаиз с Холденом. Джеймс Холден смотрел на нее.

– Это Элви, – представил Фаиз. – Мы с ней знакомы с верхнего университета.

– Как поживаете? – Самой Элви ее голос показался тонким и фальшивым. Она откашлялась.

– Рад познакомиться. – Холден, встав, протянул ей руку. Элви пожала ее, отметив с гордостью за себя: как ни в чем не бывало!

– Садись. – Фаиз придвинул ей стул. – Мы с капитаном обсуждали проблему ресурсов.

– Пока это не проблема, – заметила Элви, – но будет проблемой.

Холден вздохнул и сжал ладони.

– Я все же надеюсь, что мы договоримся до приемлемого для всех варианта.

Фаиз недоверчиво насупился.

– Это каким же образом?

Холден поднял брови.

– Мы говорили о литии и деньгах, – обратился к Элви Фаиз и снова повернулся к Холдену. – А она о воде и продовольствии. Разные вещи.

– Разве воды здесь не достаточно? – спросил Холден.

– Хватает. – Элви надеялась, что покраснела не слишком заметно. Они, конечно, говорили о литиевых рудниках. Надо было сразу понять. – То есть воды достаточно и питательных веществ тоже. Но в том-то и беда, если можно так сказать. Мы очутились в совершенно чужой биосфере. Здесь все иначе, чем нам привычно. Я хочу сказать, здесь, похоже, все живое бихирально¹⁸.

– Правда? – удивился Холден.

– Элви, никто не понимает, что это значит, – подсказал Фаиз.

Холден из вежливости сделал вид, что не услышал.

– Здешние животные и насекомые выглядят... то есть да, выглядят-то они непривычно, но у них есть глаза и все такое.

– На них действует тот же отбор, – объяснила Элви. – Просто некоторые вещи очень полезны. На земле эволюция четыре или пять раз приводила к развитию глаз. К активному полету – три раза. У большинства животных рот расположен вблизи органов восприятия. Степень масштабного морфологического сходства при базовых биохимических различиях – поразительно интересная тема для исследования. Тех данных, которые я собрала с момента высадки, хватит на работу для поколений ученых, а ведь я только по верхам поскребла.

¹⁸ Хиральность – свойство молекулы не совмещаться со своим зеркальным отражением, как не совмещаются правая и левая руки. В земных организмах практически все биологические полимеры должны быть гомохиральными, чтобы функционировать, – составляющие их мономеры имеют одинаковую направленность. Все аминокислоты в протеинах – «левосторонние», в то время как все сахара в ДНК, РНК и в метаболических путях – «правосторонние». Бихиральность подразумевает смешение «правозакрученных» молекул с «левозакрученными», что свойственно искусственным органическим веществам.

– Так что там с ресурсами? – напомнил Холден. – Каких ресурсов вам не хватает?

– Дело не в тех, которых нам не хватает, – махнула рукой Элви, – а в тех, которые есть в нас. С точки зрения местной среды, мы – пузыри с водой, ионами и высокоэнергетическими молекулами. Мы не совсем во вкусе местных едоков, но рано или поздно кто-то найдет способ нас использовать.

– Вроде вирусов? – спросил Холден.

– Вирусы похожи на нас гораздо сильнее, чем то, что мы нашли здесь, – сказала Элви. – В вирусах есть нуклеокислоты, РНК. Они эволюционировали вместе с нами. Когда здешние существа придумают способ добраться до наших ресурсов, это будет больше похоже на добычу руды.

На лице Холдена проступило отчаяние.

– Добыча руды... – повторил он.

– У нас преимущество во времени, потому что наша биосфера старше. Насколько мы можем судить, здешняя эволюция началась примерно полтора-два миллиарда лет назад. У нас фора в добрый миллиард лет. И некоторые наши стратегии вполне способны оказаться действенными против их. Если мы сумеем вырабатывать антитела против местных протеинов, то сможем бороться с ними, как с обычной инфекцией.

– Или не сможем, – вставил Фаиз.

– Я прилетела сюда, согласилась на эту работу в том числе и потому, что мы должны сделать все *правильно*, – сказала Элви, замечая, с каким напором звучит ее голос. – Мы собирались создать герметичную среду. Купол. Собирались исследовать планету, учиться у нее и отвечать за то, что мы с ней делаем. РЧЭ прислала ученых. Исследователей. Знаете, сколько у нас квалифицированных специалистов по консервации и охране среды? Пятьдесят шесть. *Пятьдесят шесть человек!*

Она говорила громче, чем хотелось бы, размашисто жестикулировала, и голос дрожал от волнения. Неправдоподобно голубые глаза Холдена смотрели на нее, его внимание она ощущала на себе, как лучи света. Умом Элви понимала, что происходит. Ей страшно, ей больно, она винит себя за то, что Рив и его люди попали в беду. Как она ни старалась об этом забыть, внутри все кипело. Говорила она о биологии и о науке, а подразумевала: «Помоги мне! Все идет не так, и никто не может мне помочь. Никто, кроме тебя».

– Только до вашего прилета здесь уже была колония, – сказал Холден. Голос мягкий, как перышко. – Причем колония людей, у которых есть очень веские причины не доверять корпорациям. И властям.

– Здесь на вид все спокойно, – продолжала Элви. – И красиво. Здесь и в самом деле так. И эта планета могла бы научить нас такому, что нам и не снилось. Но что-то пошло не по плану.

– Она права, – вздохнул Фаиз. – То есть мне не меньше других хотелось бы обсуждать литий, моральное право и юридические аспекты. Но Элви все говорит верно насчет того, как жутко выглядит этот мир при ближайшем рассмотрении. У него имеются очень опасные грани, которым мы пока не уделяли внимания. Потому что, видите ли, были заняты – убивали друг друга.

– Я вас услышал, – сказал Холден, – и подумаю об этом. Прежде всего надо заняться тем, что здесь люди стреляют в людей. Но обещаю вам обоим, что как только возьму под контроль кризис, первым в моем списке будет создание надежного замкнутого планетарного купола. Кто бы в конечном счете ни стал здесь главным.

– Спасибо, – сказала Элви.

– Люди здесь в основном хорошие, – заметил Фаиз. – Астеры. Мы с ними живем не один месяц, и я готов поклясться, что большей частью никакие они не чудовища. Просто бедолаги, которые решили начать жизнь с чистого листа. И «Роял-Чартер» – очень, очень ответственная

корпорация. В ее истории взяточничества и коррупции не больше, чем в школьном родительском комитете. Они очень стараются все сделать как надо.

– Знаю, – отозвался Холден, – и чертовски жалею, что от этого не легче.

– Эй, капитан! – окликнул похожий на младенца здоровяк.

– Амос?

– Тебе очередная порция крючкотворского дерьма от ООН.

– И я должен все это читать? – погрузился Холден.

– Не представляю, кто может тебя заставить, – ответил Амос. – Просто подумал, что ты предпочтешь их игнорировать *преднамеренно*.

– Спасибо. Можно и так. – Холден снова обернулся к ним. – Боюсь, я сейчас должен заняться бюрократией. Но вам обоим спасибо, что пришли. Пожалуйста, обращайтесь ко мне в любое время.

Фаиз встал, и Элви секунду спустя поднялась тоже. Холден пожал им руки и скрылся в задней комнате. Фаиз вместе с Элви вышел на улицу. Гассан Смит с его винтовкой кивнули им, проходя мимо.

В кислородно-голубом небе горело солнце. Элви знала, что здешнее светило маловато, что его спектр немного сдвинут в сторону оранжевого, но успела привыкнуть к нему. Так же как и к тридцатичасовому дню и тесному домику-лаборатории.

Фаиз шагал с ней в ногу.

– К себе направляешься? – спросил он.

– Надо бы, – отозвалась она. – Я, как пошла за Ривом, там не бывала. Все циклы анализов наверняка закончены. И, скорее всего, меня ждет пачка сердитых посланий из дома.

– Да, пожалуй, – сказал он. – Так ты в порядке?

– За сегодняшний день ты третий меня спрашиваешь, – сказала Элви. – Что, похоже, будто я не в себе?

– Есть немножко, – признал Фаиз. – Но ты имеешь право малость почудить.

– Я в порядке, – сказала Элви. Рука там, где ее коснулся Холден, чуточку звенела. Она потерла кожу. Вдалеке по улице, понурившись и глубоко засунув руки в карманы, шла астерская девочка. Мартри и Чандра Вэй с подозрением смотрели ей в спину, держа винтовки в руках. Ветер с плато закручивал пыльные смерчки на углах переулков. Элви хотелось домой – и не хотелось. Хотелось вырваться из колодца, вернуться на «Израэль» и на родину, но и Новую Терру она не покинула бы ни за какие деньги. Вспомнилось, как совсем маленькой она однажды отчего-то страшно расстроилась. Плакала на плече у матери, кричала, что хочет домой, – хотя они уже и так были дома. Похожим образом она чувствовала себя и теперь.

– Не надо, – сказал Фаиз.

– Чего не надо?

– Не надо влюбляться в Холдена.

– Не понимаю, о чем ты! – огрызнулась она.

– Тогда тем более не надо, – с циничным смешком заключил Фаиз и свернул в сторону.

Глава 14. Холден

– Это первое заседание арбитража колонии, – сказал Холден, глядя в объектив на конце стола. – Меня зовут Джеймс Холден. Представитель колонии Новая Терра...

– Илос, – сказала Кэрол.

– ...Кэрол Чивеве, администратор колонии. Представитель «Роял-Чартер-Энерджи» – глава службы безопасности Адольфус Мартри.

– Что, собственно, происходит? – спросила Кэрол, с непроницаемым выражением глядя на Мартри. Тот улыбнулся в ответ со столь же невозмутимым видом.

– Что именно?

– Вы меня прекрасно поняли, – огрызнулась на него Кэрол. – Что вы здесь делаете? Вы – наемный охранник. Вы не уполномочены...

– Вы меня поставили на это место, – перебил Мартри, – когда убили губернатора. Вспоминаете? Большой взрыв. Разбитый корабль... такое трудно было не заметить.

Холден со вздохом откинулся на спинку своего неудобного стула. Пусть эти двое побранятся немного, спустят накопленный яд, а потом он вмешается и направит дискуссию на нужные рельсы.

РЧЭ предлагала провести совещание на своем челноке или на «Эдварде Израэле», где удобств было бы куда больше. Но колония потребовала, чтобы разбирательство проходило в Первой Посадке. Иначе говоря: вместо подлаживающихся под контуры тела гелевых кресел они сидели на металлических и пластмассовых уродцах, какие нашлись в колонии. Столом служила плитка эпоксидной ткани, поставленная на металлические ножки, а в комнате едва хватало места для стола и трех стульев. Маленькая полка на стене вмещала тихо шипящую кофеварку, от которой расходился запах гари. Амос привалился к дверному косяку, скрестил руки на груди, а лицо его язык не поворачивался даже назвать скучающим – скорее это было лицо спящего.

– ...бесконечные обвинения без доказательств, лишь бы подпереть ваши собственные преступные претензии на имущественные права... – говорила Кэрол.

– Хватит, – вклинился Холден. – Больше никаких криков с обеих сторон. ООН и АВП прислали меня для поиска соглашения, которое позволило бы РЧЭ проводить порученные им научные работы, а тем, кто уже живет на Новой Терре...

– На Илосе.

– ...на Илосе, не причинило бы ущерба.

– А как насчет сотрудников РЧЭ? – тихо поинтересовался Мартри. – Им причинять ущерб позволительно?

– Нет, – ответил Холден, – не позволительно. И потому цели этой встречи ввиду последних происшествий несколько меняются.

– Я после прибытия Холдена видела только одно убийство, и оно на вашей совести, – обратилась Кэрол к Мартри.

– Мадам координатор, – продолжал Холден, – не должно быть новых нападений на персонал РЧЭ. Это не обсуждается. Мы ничего не добьемся без уверенности каждого в своей безопасности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.